

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

Тезисы 16 конференции

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

К дням славянской письменности и культуры в России

*Сборник тезисов 16 конференции
памяти В.Д.Королюка*

Славяне и немцы

Средние века – раннее Новое время

Москва, 1997

Редакционная коллегия:

Академик Г.Г.Литаврин, ответственный редактор серии
к.и.н. Л.В.Заборовский, ответственный редактор сборника
и.с. Н.С.Захарьина, ответственный секретарь

*Сборник издан благодаря финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
по проекту № 97-01-14023*

ISBN 5- 7576 -0055-1

© Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1997

Введение

Немцы, славяне... География и история распорядились так, что судьбы этих двух общностей изначально оказались теснейшим образом переплетены. Мысленно перелистывая пока еще не написанную книгу, посвященную их долгим взаимоотношениям в прошлом, мы увидим самые разные страницы, вплоть до печальных, горьких, даже трагических. Больше того, в памяти народной и личной отложились и закрепились, в какой-то мере стали частью массового менталитета, представления о периодах противоборства славян и немцев (разумеется, в рамках более общих глобальных противоречий), когда ставились под вопрос их историческое будущее и независимое развитие. Но мы знаем и иное, хотя, к сожалению, это знание не стало еще столь же общераспространенным: взаимодействие данных общностей в самых различных сферах жизни шло веками, этот не всегда заметный, обычно лишенный ярких внешних проявлений процесс стал органичным на пользу всех участников. Пора подвести объективный баланс длительным немецко-славянским связям, оценив их в комплексе, чтобы попытаться вступить в новый XXI век без укоренившихся предрассудков, стереотипов и мифов. Думается, наше время, с драматичнейшими переменами в Восточной, Центральной (Средней) и Юго-Восточной Европе, в преддверии 2000-летия единой, несмотря на все конфликты, христианской цивилизации, дает для этого определенные возможности. Дав

сбалансированную оценку прошлому в отношении немцев и славян, мы обеспечим условия для их благоприятного развития в будущем. Дело за всеми нами.

Само собой разумеется, скромная конференция, предварительные материалы которой выносятся на суд читателей, не преследует столь масштабных целей. Это даже не шаг, а шагжок. Но в конце концов “главное ввязаться, начать”. Организаторам, Отделу истории средних веков ИСБ РАН, хотелось прежде всего получить пусть и приблизительное представление о современном состоянии разработки темы (до XVIII в. включительно) в нашей стране и у ближайших соседей, не ограничивая поэтому “инициативы с мест”. Ознакомление с содержанием сборника свидетельствует, что поставленную задачу в общем удалось выполнить. Оно разнообразно, но в качестве наиболее приметной черты позволяет выделить стремление освещать позитивный опыт взаимоотношений, в первую очередь в тех сферах жизни, где он проявляется более наглядно: в экономике, культуре в самом широком смысле слова, литературе, книжном деле. Заметное место заняла модная в современной историографии, но и действительно важная, тема “Образ другого”, с привлечением разнообразных материалов: от немецких хроник и периодики, описаний путешествий по славянским странам до произведений Ю.Крижанича и фольклорно-мифологических данных (для сопоставительного анализа важно использование венгерских источников). Вместе с тем обрисована и история реального сожительства разных национальностей в Чехии, Польше, Словакии, Венгрии, Украине, Белоруссии, отчасти России. Достаточное внимание уделяется религиозным взаимодействиям. Конечно, создаваемая разными авторами картина далека от идеальности: негативные стороны не затушевываются, в частности, свое место нашли и оценки немецкого Drang

nach Osten, в том числе в историографическом плане. Интересно, что гораздо скромнее, чем в прежние времена, представлена проблематика немецко-славянских отношений на международной арене, но в качестве своеобразной компенсации выдвинута для дискуссий важная и пока мало разработанная тема формирования и взаимодействия империй Нового времени в Центральной (Средней) и Восточной Европе на начальном этапе. Понятно, что изложенное - только абрис содержания сборника.

В заключение заметим, что для нашего Отдела тематика конференции вовсе не случайна, скорее закономерна. Ведь он является законным преемником созданного в свое время нашим многолетним руководителем В.Д.Королюком сектора славяно-германских отношений. Этот коллектив, включавший в себя ученых разного "научного веса", возраста, специализации, вел кипучую жизнь: издавал ежегодники, публиковал источники, координировал соответствующие исследования в масштабе страны и т.д. Естественным итогом должно было стать создание коллективного труда, посвященного истории Drang'a с древнейших времен. Показательно, что позднее закономерно обособившаяся в отдельный научный коллектив часть сотрудников сектора, занимавшаяся проблемами нового и новейшего времени, сумела такую работу создать. Нам же это так и не удалось. И дело тут не в лености или недостаточном потенциале работников сектора, а в принципиальном обстоятельстве объективного свойства, нами тогда не осознававшимся. Конкретная работа каждого из нас в области своих научных интересов нередко доказывала, что взаимоотношения немцев и славян в эпоху средневековья и раннего Нового времени невозможно адекватно отобразить, руководствуясь категориями Drang'a.

^ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

Это оказывалось равнозначным попыткам разместиться на ложе Прокруста. Именно поэтому предполагаемый первый том труда так и не возник. Будем надеяться, что необходимости в нем и впредь не появится, а исследования славяно-немецких связей станут развиваться в более широких рамках. Рассчитываем, что и нынешняя конференция станет определенной вехой на этом пути.

**Германское влияние на
формирование денежных систем
на территории Беларуси в XI-XIV вв.**

Германцы, по мнению ряда исследователей, появились в конце неолита или в эпоху бронзы в результате смешения различных этнических групп. В течение VI-I вв. до н.э. они потеснили кельтские племена и заняли обширную территорию между Нижним Рейном и Вислой, Дунаем и Балтийским морем и Южную Скандинавию. В IV-VI вв. германцы участвовали в "Великом переселении народов", в результате которого на территории развалившейся Римской империи образовались варварские королевства. Они широко использовали имперскую денежную систему, приняв денежно-весовые единицы - римский фунт-либру, денарий и солид. Венцом развития денежных систем варварских королевств явилась система Карла Великого (768-814). По Каролингскому монетному уставу 781 г. она имела следующий вид: Фунт = 20 солидам = 240 денариям = 409,6 г. Денарий весил теоретически 1,706 г.

Славянский этнос формировался в первой половине I-го тысячелетия нашей эры и при продвижении на запад далеко потеснил германские племена. Вступив в конфликт с германцами, славяне, по-видимому, уже в V-VI вв. познакомились с их денежными системами.

IX-X вв. - это время складывания славянских государств. Наиболее крупным являлось древнерусское государство с центрами в Киеве и Новгороде. Политическое и экономическое

развитие, торговые и культурные связи способствовали формированию самобытной денежно-весовой системы у славян. В.М.Потин отметил, что в VI-X вв. в Западной Европе ощущался некоторый недостаток серебра. Поэтому денежная система на Киевской Руси была основана на арабских дирхемах весом 3,4 - 3,5 г. (ногата) и 2,7 - 2,8 г. (куна) и имела следующий вид: гривна = 20 ногатам (по 3,41 г.) = 25 кунам (по 2,72 г.) = 5- резанам (по 1,36г.) = 68,2 г. В конце X- начале XI в. поступление восточного серебра прекратилось.

С политическим и экономическим усилением княжеств и земель начали проявляться центробежные тенденции, завершившиеся распадом древнерусского государства. Наиболее ранним выражением этого явилось появление двух крупных денежно-весовых систем - северной или новгородской и южной или киевской. Если южная система сформировалась на основе половины византийской либры(327,456 г.) и милиариссия, то северная - на основе западноевропейского денария. Территория современной Беларуси являлась контактной зоной между этими двумя региональными системами и потому здесь можно проследить их особенности и взаимосвязь. Время конца X- начала XII вв. на Руси в нумизматической литературе имеет название "западноевропейского периода".

Очевидно, равенство денария половине ногаты в 1,7 г. и способствовало его проникновению на Русь. На первом этапе (1-я половина XI в.) была следующая система: гривна = 20 ногатам (по 2,56 г.) = 25 кунам (по 2,05 г.) = 50 резанам (по 1,025 г.) = 51,19 г. В это время в обращении было большое количество английских и датских монет. На 2-м этапе (2-я половина XI в.) в основном поступали монеты из Германии. В это время выпала из обращения резана, и кунa, обесценившись в 2 раза, стала весить 1,025 г. Одновременно появилась новая еди-

ница "векша", равная половине фрисландского обола в 0,6-0,7 г. Денежная система имела следующий вид: гривна = 20 ногатам = 50 кунам (по 1,025 г.) = 150 веверицам (векшам) (по 0,34 г.) = 51,19 г.

В конце XI- начале XII в. сократилось поступление монетного серебра в северо-западные русские земли и наступил т. наз. "безмонетный" период (начало XII-XIII вв.), когда использовались слитки новгородского, киевского и с середины XIII в. литовского типов. Особенность денежного обращения XIII в. состоит в том, что в это время произошел последний всплеск в формировании и функционировании архаичных денежных систем. В 1240-х годах прекратила свое существование киевская система, в 20-80-х годах функционировала смоленская, в середине столетия возникла полоцко-витебская, развивалась далее новгородская.

Смоленская денежная система известна по торговому договору 1229 г. с Ригой и Ливонским орденом. Предположительно она имела следующий вид: смоленская гривна серебра = 4 гривнам кун; гривна кун (пенязей) = 20 ногатам = 25 кунам (пенязям) = 100 векшам. Характерным для нее являлись "пенязи", т.е. германские пфенниги или пенни. Эта система до середины XIII в. функционировала и в Полоцко-Витебском регионе.

В восстановившем свою независимость Витебском регионе в середине XIII в. начала формироваться своя денежно-весовая система, во 2-й четверти распространившаяся на Полотчину и во время своего наивысшего расцвета (1338-1341 гг.) имевшая следующий вид: рубль = 52,5 пражским грошам (по 3,6 г.) = 105 ногатам (по 1,8 г.) = 315 заушням (по 0,6 г.) = 525 долгеям (по 0,36-0,42 г.) = 189,0 г.; изрой = 30 праж. грошам = 104,0 г. В этой системе мы находим оригинальные на-

звания - изрой, заушня и долгея. Изрой, или литовская гривна в своем развитии прошла три этапа. На втором (середина XIII в.) она теоретически весила 104,8 г. и равнялась половине стокгольмской марки в 208,6 г., на третьем (с 1298 г.) - 108,0 г. и равнялась 1/2 части рижской марки или пражской гривны весом 216,0 г. По торговому договору Полоцка с Ригой и Ливонским орденом 1338-1341 гг. мы видим, что "заушня" - это половина рижского эре весом 1,1 - 1,2 г., а "долгея" - любекский пфенниг или "любский".

Краткий экскурс показывает, что денежное обращение (системы) на территории Беларуси в XI-XIV вв. формировалось при самом активном влиянии германских монетных систем. Но необходимо отметить, что привозная монета внедрялась не механически, а приспособлялась к местным денежно-весовым системам.

Белова О.В. (Москва)

Мифологизация образа немца в славянской традиционной духовной культуре

На материале народной культуры универсальная семиотическая оппозиция "свой-чужой" может быть рассмотрена в одном из аспектов - этническом, - в основе которого лежат фольклорно-мифологические представления о других народностях.

Из всего комплекса представлений об *инородцах* (этиологические легенды-поверья, приметы, сказки, анекдоты) можно выделить целый пласт материала, относящегося к этно-

нему "немец" и рассмотреть его во всем разнообразии приписываемых данному понятию значений.

Представляется возможным сделать вывод о том, что "немцы" в народных верованиях славян - это некий "чужой этнос вообще" (все иностранцы, ср. букв. значение рус. *немец* "немой, не обладающий членораздельной речью"). В данном аспекте фольклорные представления о "немцах вообще" совпадают с образом немца в русской городской культуре XVII-XVIII вв. (лубок, народная гравюра, раек).

На Русском Севере понятие "немцы" объединяет представления о шведах и этнических немцах (т.е. германцах), а также соотносится с неким мифическим народом. В народных легендах о борьбе с внешними врагами, сохранившими память об исторических событиях XVI-XVII вв. (нападение на печенгский монастырь в 1589 г., нападение на Поморье Свена Багге в 1591 г., походы шведов к Соловкам в 1611 г., польская и шведская интервенция в Карелии в нач. XVII в.) воинственный противник именуется "немчи", "немцы", "шведы": "Ходили в то время в Поморье шведы, немцами их еще называли", а места, где этот противник был побежден (немцы-шведы превращаются в камень, т.е. "немеют" в прямом смысле слова; слепнут; придавлены упавшей скалой) называются *Немецкая варака*, *Немецкая щелья*, *Немецкая гора*. Севернорусские предания о контактах с европейцами оказались органично включенными в фольклорную систему представлений о "чужих" (мифических инородцах, великанах, аборигенах края). Так, в Заонежье есть легенда о том, что некогда неизвестно откуда пришел сюда и так же таинственно исчез народ *берегоулы*, ни слова не знавший по-русски. Можно с уверенностью предполагать, что в таком причудливом виде предстали в этом регионе воспоминания о колонистах-горняках из Саксонии, приглашенных на

службу Петром I (ср. нем. Berghauer "рудокоп"), оформившиеся в рассказы об исчезнувшем народе под влиянием бытовавших здесь легенд о чуди, которая "в землю ушла".

В другом славянском регионе, имевшем контакты с германцами - на Украине и в Полесье (где в фольклоре произошла контаминация двух образов воинственного противника - начала XVIII в. и Второй мировой войны), - также встречается образ "немцев", "нйхрисцяў" и "рузных швэдоў" (они могут представлять например, в образе мифических великанов или птиц-оборотней). Показательно также, что иногда все они могут именоваться *турками*: "этый нймец, о, то турок другий", т.е. уравниваться между собой как все "чужое".

Образ инородца включает в себя и этноконфессиональный момент. В славянской народной традиции существуют не только представления о чужой вере вообще, но и о конкретных конфессиях, в том числе о *немецкой вере* (так определяется протестантизм). В западной Белоруссии говорят, что раньше "немцы были такие, как мы (т.е. католики)", но потом епископ Мартин Лютер от великой науки подвинулся умом, установил немецкую веру и много людей "перевел в немцы". Славяне-католики из этой местности относятся к немецкой вере иронично: "у немцев тогда пост, когда мяса нет, тогда праздник, когда работы нет". Кроме того, немцы (и западноевропейцы в целом) часто и не рассматриваются как христиане, а эпитет "немецкий" в приложении к терминам традиционного народного календаря может обозначать "праздник наоборот" (например, рус. *немецкая масленица* - Чистый понедельник, начало Великого поста, когда запаздывающие весельчаки в нарушение обычая, "доедают в первый постный день оставшийся "поганый кусок" и "полощут рот" недопитым вином").

Подобно другим инородцам, представители германского этноса могут соотноситься с демонологическими персонажами. В народной демонологии восточных и западных славян широко распространен образ беса или черта в "немецком" (европейском) костюме. Пристрастие к "немецкой моде" питают и женские представительницы нечистой силы, например, водяника: "Было у меня цветно платье, все отняли, а нынче пойду в воду, по немецку моду, про пестро платье, да про коротки волосы..." (Русский Север; отметим особо признак пестроты, связанный с потусторонним миром, в приложении к одежде нечистой силы). Представление о черте-инородце отражено, например, в кашубском названии дьявола *stari Frès*, производном от имени прусского короля Фридриха Великого. Другая историческая личность, с именем которой связывались "демонологические" представления - это кайзер Вильгельм, ставший героем народных рассказов времен Первой мировой войны. Этот "переодетый антихрист" имел на груди знак - зверя единорога с огненной пастью и хвостом-молнией (воронез.), хвостик и медный рог на голове (уральск.), был покрыт шерстью и имел железные копыта (донск.). Имя Вильгельм было переименовано в *Вельма*, т.е. "ведьма" (уральск.).

Представление о немецком языке как непонятном, порой "нечеловеческом" наречии отразилось в поговорках, загадках, сатирических сказках (сюжеты о птичьем языке; о заговоровившей в результате утраты языка "по-немецки" попадье; о разговоре "немецкими знаками" между германским царем и пьяным русским солдатом).

В славянском фольклоре образ немца сочетает в себе черты конкретного этнического соседа и мифического "инородца", причем большинство представлений оформляются под влиянием традиционных стереотипов.

Немцы в Сибири в XV-XVII вв.

(Участие немцев в российском освоении Северной Азии)

Вопреки устоявшимся пропагандистским стереотипам XX в. история знает не только периоды войн, но и активного сотрудничества между славянами и германцами. Одним из примеров такого сотрудничества может считаться участие немецких ученых, администраторов, военных, врачей, специалистов горного дела в российском освоении Северной Азии, которое насчитывает несколько столетий.

Интерес к Сибири возник в Европе в эпоху развитого средневековья. Он был связан с поиском новых торговых путей со странами Востока. В результате торговли вещи, изготовленные в Германии, в различных ремесленных центрах, попадают в Западную Сибирь в XII-XIII вв. Среди таких находок дорогое парадное оружие, серебряные и бронзовые пиршественные сосуды, ритуальная утварь. Эти предметы могли попадать на территорию Западной Сибири в результате посреднической торговли скандинавских, новгородских и болгарских купцов.

После подчинения южных районов Сибири монголами в XIII в. возросла вероятность проникновения европейских купцов. В середине XIII в. в монгольской столице Кара-коруме французский посол встретил ремесленников, выходцев из Франции и Лотарингии. В столице империи Юань Ханбалыке существовали постоянные дворы для немецких, французских и итальянских купцов. Европейские торговцы посещали Золотую

Орду, в состав которой входили лесостепные районы Западной Сибири.

В верховьях р. Иртыш найдены бронзовые подсвечники, ритуальная утварь, статуэтки европейского производства. Некоторые из этих предметов изготовлены в XV в. Судя по этим находкам торговые контакты европейских купцов с Западной Сибирью продолжались в течение всей эпохи позднего средневековья.

В начале XV в. в Сибири побывал первый выходец из Германии, оставивший описание своего путешествия. Это был баварский ландскнехт Иоганн Шильтбергер, который попал в Западную Сибирь в составе войск татарского хана Едигея.

В XVI в. отдельные сведения о Сибири и населяющих ее народах упоминают в своих сочинениях австрийские посланники при Московском Дворе, военные специалисты, главы отдельных германских государств. Ее помещают на своих картах европейские картографы.

С началом присоединения Сибири к России к освоению новых земель стали активно привлекаться иностранцы, находившиеся на российской службе.

Уже при организации похода Ермака в Сибирь, купцы Строгановы включили в его отряд триста человек немцев и литовцев из числа пленных с Ливонской войны. Большое количество немцев и других иностранцев оказалось на службе в Сибири в XVII в. После смуты и войны с католической Речью Посполитой в России существовала большая потребность в квалифицированных специалистах. Поэтому в Москве охотно принимали на службу выходцев из протестантских германских государств. Многие немецкие специалисты направлялись в Сибирь в качестве чиновников, офицеров, горных мастеров, врачей. Некоторые иностранцы попадали за Урал в ссылку и там

принимались на службу из-за нехватки специалистов. Среди служилых людей Тобольска, Томска и других сибирских городов было немало иностранцев.

Для привлечения на службу иностранцев им давали повышенные оклады в сравнении с русскими служилыми людьми. Очень высокое жалование получали немецкие инструкторы, присылавшиеся правительством в Сибирские войска. Из иностранцев формировали целые подразделения. Некоторые иностранцы достигали высоких должностей, в том числе воеводской. Правительство стремилось закрепить их пребывание в Сибири, поощряя переход в православие.

Многие иностранцы, оказавшиеся в Сибири, способствовали ее изучению, развитию промышленности и торговли. Они оставили описания географического положения Сибири, природных условий, нравов и обычаев местного населения, торговли. В отдельных сообщениях упоминаются памятники древности, развалины городов и крепостей. Через посредство служивших в Сибири иностранцев, сведения о ней попадали к дипломатам и купцам из разных стран Европы, жившим в Москве. Участие немцев и других европейцев в освоении Сибири способствовало росту интереса к ней в Европе.

Смысловые сдвиги в переводе "Киевских глаголических листков"

"Киевские глаголические листки" - переводной латинский миссал - один из древнейших славянских текстов, которые дошли до нас. Изучение самого памятника и группы текстов, связанных с ним (латинских и славянских) показало, что текст несколько раз переписывался и очень сильно отличается от первоначального перевода.

Нашей задачей была реконструкция (насколько это возможно) этого первоначального перевода и исследование смысловых сдвигов в процессе создания текста.

Сравнение КГЛ, поздних хорватских глаголических миссалов, в которых имеются 1-2 и 4-7 тропари, и Падуанского кодекса показало, что славянские тексты имеют общую основу, отклонения от которой объясняются приспособлением протографа к восприятию и языковой среде переписчиков (замена архаизмов, толкование темных мест и т.п.). По содержанию эта общая основа очень близка к тексту Падуанского кодекса - судя по всему, переводчик латинского миссала руководствовался преимущественно пословным принципом перевода.

В КГЛ отклонений больше, особенно смысловых. Вообще, этот памятник в известном смысле можно считать двойным переводом (с латинского на славянский, а затем на славянский другой диалектной группы).

И в этой поздней славянской переделке (которую мы условно называем работой "соавтора"), и в работе первоначального переводчика

чального переводчика прослеживаются определенные смысловые тенденции, акцентируются определенные темы.

Очень важно, что комплексы смысловых предпочтений обоих авторов КГЛ отличаются определенным единообразием (и в первых семи тропарях, на которые имеется большой сравнительный материал, и в последующих, где таковой отсутствует), что, собственно, и делает возможным подобный анализ.

"Соавтор" в ряде мест очень сильно отстывает от текста латинской мессы (кстати сказать, сам миссал по содержанию очень далек от массы славянских текстов того времени). Наблюдается стремление подтянуть текст к общей норме. Так, акцентируется роль Христа (в самом миссале обращаются в основном к Богу-отцу, Христос упоминается один раз): тема спасения, служб, церкви, творения. Именно ими пытались маскировать "темные места". Некоторые дополнения свидетельствуют о богословских увлечениях: влиянии Дионисия Ареопагита, идеи присутствия Господа в мире. Слишком сложные ходы (напр., обращение к святым, чтобы они обратились к Богу с просьбой о заступничестве) последовательно упрощаются (в приведенном примере - на обращения к самому Богу).

Наоборот, первоначальный перевод очень часто точно следует за латинским оригиналом. Отклонения объясняются недостаточным знанием латинского, и в результате - излишне буквальным прочтением. Однако имеются, как кажется, и принципиальные отличия. Напр.:

Лат.	Слав.
отними <u>от нас всякое</u> лукавство	отьми <u>ны отъ</u> лоукавства <u>нашего</u>

Предполагаем, что в этом и других случаях обнаруживается влияние идеи субстанциальности зла в человеке.

Набор буквализмов в КГЛ, странный для человека, знакомого пусть даже с азами церковной латыни, как и некоторые другие особенности (очень раннее время, римский топоним в одном из тропарей) позволяют предполагать в переводчике особу из круга первых славянских писателей (кирилло-мефодиевского периода).

В то же время наличие западнославянизмов в КГЛ при отсутствии их в хорватских миссалах дают основание говорить о западно-славянском происхождении "соавтора". Выявленные смысловые акценты дают представление о культурной среде обоих создателей КГЛ.

Водарский Я.Е. (Москва)

Генрих Фик в России: реформы и работа (1715-1750 гг.)

Личность и деятельность Генриха фон Фика (1679-1750) в России, несомненно, заслуживают изучения: он - один из деятелей, принимавших большое участие в подготовке реформ Петра Великого, вице-президент и и.о. президента Коммерц-коллегии, поддержал попытку "верховников" ограничить самодержавие Анны Иоанновны, был сослан и возвращен Елизаветой Петровной. Между тем в литературе о нем высказаны самые противоречивые мнения: Э.Н.Берендс считал его

"сомнительной личностью", а по мнению П.Н.Милюкова, Фик руководил "вседелом" организации коллегий.

Истина, как часто бывает, находится посередине. Руководил "вседелом реформ", конечно, сам Петр Великий, но Фик был одним из самых полезных его помощников, автором проектов многих регламентов, а потом практическим государственным деятелем-консультантом.

Генрих фон Фик родился в Гамбурге, двадцати лет поступил на шведскую службу (1699), в 1704-1710 гг. был полковым квартирмейстером, в 1710 г. покинул шведов и перешел на службу в Голштинию, где работал комиссаром в г. Экернферде (ведая судебными и хозяйственными делами и полицией) до 1715 г. В конце этого года, видимо, поступил на русскую службу. Петр сначала послал его в Швецию за регламентами шведских коллегий. В конце 1716 г. Фик приехал в Россию, успешно выполнив поручение. Как знатока шведских учреждений, его привлекли к составлению проектов регламентов. Затем он служил советником в Камер-коллегии, а с 1726 г. по 1731 г. был вице-президентом и и.о. президента Коммерц-коллегии. В 1731-1743 гг. он находился в ссылке, а затем до своей смерти в 1750 г., видимо, жил в своем поместье (подаренном ему Петром) Обер-Палене. В его деятельности в России имеется еще ряд невыясненных обстоятельств.

Работая над проектами реформ русских центральных учреждений, Фик в 1718-1720 гг. представил докладные записки о шведской королевской канцелярии, о шведском областном устройстве, проекты Генерального регламента, регламента Главного магистрата, инструкции Камер-коллегии, штатов Юстиц-коллегии, мемориал о разных делах, связанных с организацией коллегий в России. Особенностей российской жизни тогда он еще не знал, поэтому его проекты подвергались значи-

тельному редактированию Петра и его сотрудников, но это не может зачеркнуть значения его работы, как консультанта Петра. Сам он характеризовал свою деятельность в России, говоря, что старался оказать посильную помощь при учреждении коллегий и губерний и неоднократно указывал на необходимость распространения торговли и мануфактур и воспитания и обучения русского юношества.

О политических взглядах Фика можно судить по его поддержке "кондиций", предъявленных Анне Иоанновне, т.е. ограничения самодержавия. Сам Фик заявил (правда, на допросе!), что желал "республиканского правления", т.к. "надеялся, что все беспорядки, виновниками которых были князя Меншиков и Иван Долгорукий, будут прекращены". Один из его современников, тоже немец, Манштейн, считал, что Фик находился под влиянием шведской системы правления. Во всяком случае, Фик, несомненно, был образованным человеком, поскольку князь Д.М.Голицын, недолюбливавший иностранцев, как писал П.Пекарский, находил удовольствие в долгих беседах с ним. По мнению П.Н.Милюкова, Фик "передал" Д.М.Голицыну идеи о шведской политической свободе. Вряд ли, конечно, Фика можно назвать идейным вдохновителем "верховников", но свою лепту в формирование их взглядов он, вероятно, внес.

Немецкое население в городах Чехии в XVI-начале XVII вв.

В Чехии после гуситских войн в области национальных отношений наметилась новая тенденция: после значительного увеличения и укрепления в экономическом и политическом отношении чешского населения в городах, начался процесс постепенного возвращения немцев в Чешское королевство. На протяжении всего предбелгородского периода отмечается рост иммиграции немцев, который при Габсбургах становится более интенсивным.

В основном в Чехию приезжали немцы из центральной и северной Баварии, восточных земель Франции, из горной Саксонии и австрийских земель. Среди переселившихся немцев преобладающее большинство составляли горожане, хотя в пограничных районах, например, на землях севернее Трутнова и Чешской Липы, нередко основывались новые сельские поселения немецкими крестьянами. Немцы, поселившиеся в городах, как правило, были ремесленниками, торговцы и прислуга встречались значительно реже. Довольно заметный приток немецких ремесленников был в такие горные города, как Кутна Гора, Колин, Яхимов; это были квалифицированные специалисты по горному делу: в этой отрасли немцы на протяжении нескольких столетий имели существенный вес. Кроме того, немцы традиционно были заняты в ремеслах, занимающихся обработкой железа, а в некоторых городах, например, Броумове, Хрудиме, Фридланте, в руках немецких мастеров находилось сукноделие. С конца XVI в. постепенный процесс онеме-

чивания ремесла нашел свое отражение и в появлении немцев среди мясников, виноделов, канатчиков, столяров, т. е. в тех ремеслах, которые обслуживают обычные нужды города, и где всегда доминировали чешские мастера.

Несколько отличалась от общей картины ситуация в Праге. Приезд немцев значительно увеличился при Рудольфе II, когда вместе с королевским двором в городе появились многочисленные придворные ремесленники, чиновники, прислуга, большинство из них - немцы. Преимущественно эти ремесленники занимались обслуживанием королевского двора, чиновников, наиболее зажиточных горожан, среди них были цирюльники, ювелиры, кондитеры, скорняки. Аналогичным образом проходило онемечивание в крупных панских городах-резиденциях, владельцы которых были ориентированы на королевский двор Габсбургов. Примером служит постепенная германизация Крумлова, Индржихува Градца.

Еще в начале XVI в. среди чешских немцев было мало людей, получивших права горожанина, немецкие ремесленники не были организованы в цеха. В течение всего столетия, по мере роста и укрепления немецких общин в чешских городах картина существенно менялась. Вновь приезжающие немцы стремились стать полноправными горожанами, ремесленники объединялись в цеха и нередко в городе существовали параллельно два ремесленных цеха одной специализации - чешский и немецкий, а зачастую чешские цеха становились двуязычными и управлялись двумя цехмистрами - немцем и чехом. Для начала XVII в. было обычным явлением наличие в городе нескольких чисто немецких ремесленных цехов.

Немцы сохраняли свои связи с родиной, поддерживали отношения землячества и не собирались ассимилироваться, а скорее наоборот, на протяжении XVI в. все громче заявляли о

своих правах Постепенно они добивались от города приглашения немецкого ксендза или проповедника, строили сами или покупали костел, а затем и школу, в городе появлялись немецкие учителя и писари.

Немецкая община в городе приобретала все больший вес и начинала распространять свое влияние на городское управление. Среди городских чиновников появляются немецкие имена, немцев стали избирать коншелами, в городских книгах все чаще появляются немецкие записи, а в наиболее германизированных городах магистраты уже находились под немецким влиянием.

Таким образом, в начале XVII в. проникновение немцев в Чешское королевство приобрело новое качество и такой масштаб, что можно говорить о германизации целого ряда городов, причем не только в пограничных районах, но и в центре страны.

Гиппиус А.А. (Москва)

Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики

Основополагающий для летописного жанра принцип изложения исторического материала в форме погодных записей, не находя себе соответствий в византийской и южнославянской историографии, объединяет русские летописи с западноевропейскими анналами. Это обстоятельство традиционно игнорируется историками древнерусской литературы, видящи-

ми в летописании специфически восточнославянское явление, местное дополнение к системе жанров, в целом имеющей византийское происхождение. Такая точка зрения отражает распространенный взгляд на древнерусскую книжную культуру как прямое продолжение византийской, обусловленный анахроническим рассмотрением культурной ситуации X-XI вв. сквозь призму позднейшего конфессионального противостояния *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*. Иной подход, основанный на признании высокой степени культурной общности раннесредневековых славянских христианских государств, уже успел выявить целый ряд важных моментов, в которых древнерусская культура обнаруживает не византийскую, но западную ориентацию (см.: В.М.Живов. *Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Ricerche slavistiche XLII* (1995), p.13-22).

Древнерусское летописание есть все основания считать одним из важнейших элементов этой “невизантийской” культурной парадигмы, возникшим, как можно думать, при непосредственном западном влиянии. Во всяком случае, именно к такому предположению подталкивает рисуемая исследователями европейской анналистики картина ее постепенного продвижения с запада на восток, с VII в., когда анналистический жанр в форме так называемых “пасхальных анналов” зарождается в Англии и в ходе деятельности британских миссий переносится на континент, по конец X - середину XI в., когда первые анналы появляются в Чехии, Польше и Венгрии. В возникновении летописания на Руси естественно видеть заключительный этап этого поступательного движения жанра.

Являясь таким образом вероятным источником летописной формы на Руси, западные анналы образуют тот фон, на котором только и может быть адекватно оценено своеобразие древнейших русских летописных сводов, рано испытавших

влияние византийской хронографической традиции и обильно использовавших местное историческое предание.

В неменьшей степени значение западноевропейской анналистики для изучения древнерусского летописания определяется несравненно лучшей сохранностью ее памятников. В то время как все без исключения русские летописи XI-XV вв. дошли до нас в составе позднейших сводов, многократно отредактированные и переписанные, западноевропейская традиция располагает яркими образцами “живых” летописей, сохранившихся в оригиналах, как, например, ирландские Инисфалленские анналы XI-XIV вв. (*The Annals of Inisfallen, reproduced in Facsimile...*, ed. R.I.Best, Dublin, 1933) или шотландская Летопись Мельроза XII-XIII вв. (*The Chronicle of Melrose*, ed. A.O.Anderson and M.O.Anderson, London, 1936). Подобные памятники позволяют составить достаточно полное представление о порядке ведения анналов, кодикологическом оформлении летописного текста, периодичности смены летописцев – то есть обо всем том, что для Древней Руси может быть лишь предметом догадок и реконструкций. Сохранились и эксплицитные описания организации летописного процесса, данные самими летописцами (вроде предисловия к Винчестерским анналам XIII в. - см.: *Annales Monastici*, ed. H.R.Luard, vol.4, 1868, p.355).

Сохранность древних оригиналов обусловила и иной, по сравнению с утвердившимся в исторической русистике, подход к лингвистическому изучению летописей. В этом плане особенно интересен опыт исследования памятников англосаксонской и древнеирландской анналистики, написанных, в отличие от большинства средневековых европейских хроник, на народных языках. Историками английского и, особенно, ирландского языков летописи издавна рассматриваются как уникальный лингвистический источник, отражающий, в силу своей жанро-

вой природы, постепенность языковой эволюции, причем такой подход оказывается плодотворным не только применительно к памятникам, дошедшим в оригиналах, но и в отношении сохранившихся в позднейших списках (ср. выводы о хронологии фонологических и морфологических изменений в древнеирландском до 1000 A.D., сделанные на основании Ольстерских анналов, известных по рукописи XV в. – O'Maille T. *On the Language of the Annals of Ulster (to 1000)*. Manchester, 1910). С другой стороны, специальный методологический интерес представляет опыт использования лингвистического анализа в текстологических целях, для выявления составных частей анналов, созданных разными авторами (см. образцы такого анализа в исследованиях каролингских *Annales regni Francorum* и продолжающих их памятников германской анналистики).

Гусарова Т.П. (Москва)

Католические миссионеры в областях славянской миграции Южной Венгрии в XVII в.

1. Источником для моего доклада послужили отчеты католических миссионеров (иезуитов и францисканцев) об их деятельности в Венгрии, опубликованные венгерским историком И.Д.Тотом (*Relationes missionariorum de Hungaria et Transylvania* (1627-1707). Ed. István György Tóth. Budapest-Roma, 1994).

Отчеты содержат богатую информацию об этноконфессиональной ситуации в южном Альфельде, где турецкие

завоевания привели к широкому расселению пришедших с Балкан славян (сербов и боснийцев) и влахов, а также вытеснению ими венгерского населения.

2. В 1624 г. Святая Конгрегация по пропаганде веры основала в Белграде первое в этом регионе католическое миссионерское епископство. Его задачей стала забота о восстановлении католицизма в землях бывшего Венгерского королевства, особенно в захваченных турками областях. Миссионеры получали исключительные полномочия и подчинялись непосредственно Конгрегации.

3. Отчеты миссионеров подтверждают данные других источников о том, что в южном Альфельде, несмотря на принципиальные этно-демографические изменения, сохранился венгерский элемент. Граница между компактным расселением венгров и южных славян проходила по линии: Байя - Сабадка - Арад. К северу от нее славянские и владшские поселения вкраплялись в венгерские, к югу ситуация была обратной.

4. Этническая пестрота подкреплялась конфессиональной. Венгры делились на католиков и протестантов, вlahи и сербы принадлежали к греко-православной церкви, но среди последних было много мусульман; боснийцы исповедовали католицизм и ислам. Ислам среди южно-альфельдских славян приняли в большей степени те, кто пришел вместе с турецкими завоевателями, а не в домохачское время.

5. В целом миссионеры, как и другие очевидцы (Эвлия Челеби, Браун, Оттендорф) отмечают многоязычие Венгрии, в том числе южного Альфельда. Проживавшие бок о бок народы знали язык соседей. В 1651-1658 гг. проповеди белградского миссионера Бенлича на сербском языке понимали слушатели от Печа до Темешвара и Липпы. Бенлич писал, что для этих мест нуж-

ны такие священники, которые одинаково умеют говорить по-венгерски и по-сербски.

6. Отношения католических миссионеров с турецкими властями отражали тот факт, что турки были весьма индифферентны к спорам о вере в подвластных землях и использовали их в своих политических и просто корыстных целях. Протестантизм и православие они предпочитали католицизму, но последний не запрещали. Они разрешали проповедь католиков, создание миссий со школами, строительство храмов. Но ради получения подарков, взяток, выкупов турецкие паши и беи были готовы подвергать жизнь миссионеров опасности, разрушать и отменять все созданное ими точно так же, как и поддерживать их перед лицом других конфессий, того же православия. Но в целом католикам-миссионерам не доверяли, подозревая в шпионаже.

7. Отношения миссионеров с православной церковью (схизматиками) были враждебными, поскольку они выступали соперниками. "Схизматики" старались вытеснить миссионеров, натравливая на них турецкие власти, в частности, пугая тем, что обращенные в католичество миссионерами перестанут платить подати туркам.

8. То же можно сказать об отношениях между миссионерами-католиками и протестантами (среди которых было большинство венгров), с той только разницей, что в данном случае миссионеры обращались за поддержкой не только к турецким авторитетам, но и к местным дворянам. Однако последние (неизвестна их этническая принадлежность) проявляли безразличие. В целом же местное население одобрительно относилось к проповеди протестантов.

9. Наибольший интерес представляют отношения миссионеров-католиков с католической церковью и католиками. Единства не было и здесь.

* В отношениях с венгерской католической церковью, которые складывались довольно плохо, находил отражение спор о том, как воспринимать захваченные турками территории: как навсегда или только временно утерянные? Вторую точку зрения отражала венгерская католическая церковь, протестуя против создания и деятельности римских миссий на исторических венгерских территориях. Рим же отражал первую точку зрения и оправдывал свое вмешательство тем, что венгерские католические епископы живут в королевстве и не функционируют на покоренных турками территориях.

* Среди самих миссионеров царил дух соперничества. Миссия в Венгрию, особенно турецкую ее часть, была опасна, но зато и перспективна, так как сулила получение звания доктора богословия, а также быстрое продвижение по службе. Поэтому некоторые из посланцев Рима не гнушались клеветой в адрес своих руководителей по миссии, чтобы занять их место.

* Точные подсчеты того, кто преобладал среди южноальфельдских католиков - венгры или боснийцы - невозможны. Но то обстоятельство, что среди миссионеров-католиков в этом регионе значительно чаще венгерских встречаются имена братьев-францисканцев сербского и далматинского происхождения (Сулич, Хоричич, Степанчич, Бенлич, Дежманич и др.), свидетельствует о том, что в католической пастве количественный перевес был все же на стороне славянского элемента. О том же позволяет предполагать и характер редких упоминаний о венграх-католиках.

* Вместе с тем следует отметить, что к своей пастве миссионеры относились без должного учета местных традиций и этниче-

ских различий. В докладах называются цифры, связанные с количеством обращенных (кстати, часто они представляются чрезмерно завышенными), но не выделяется их этническая принадлежность. Более того, миссионеров-славян раздражает тот факт, что прекрасно понимая славянский язык, венгры-католики предпочитают иметь священнослужителей, для которых родной язык - венгерский. Миссионеры даже чинят венгерским верующим препятствия, запрещая, несмотря на крайний дефицит священнослужителей-католиков, деятельность светских лиценциатов.

* Миссионеров в этих краях интересовала прежде всего численность вернувшихся в лоно римской католической церкви верующих и новые источники доходов для нее. Не случайно, при попытках миссионеров запретить деятельность венгров-лиценциатов, а также получить какие-то денежные суммы с местных болгар-католиков, и венгры, и болгары обращались за помощью к турецким властям или грозили самостоятельной расправой.

10. Таким образом, оценивать деятельность римской католической миссии как успешной или неудачной, следует учитывая многие факторы. Эта деятельность, если и охраняла находившихся под властью турок венгров от растворения среди других этносов, вовсе не способствовала сохранению ими родного языка. В этом смысле один из аргументов, выдвигавшихся венгерской католической церковью против деятельности римских миссионеров в Венгрии, а именно: незнание ими местных, особенно венгерского, языков, представляется весьма серьезным. В королевской Венгрии в XVI в. даже католическая контрреформация в лице таких ее выдающихся представителей, как Петер Пазмань, поняла значение национального языка в деле

проповеди обращения. А это в свою очередь способствовало выживанию венгерского народа.

Дзиффер Дж. (Удине -Италия)

**К древненемецкому влиянию
на славянскую христианскую лексику
(на материале “Никодимова евангелия”)**

Как известно со времен Копитара и Миклошича, в древнейшей славянской христианской лексике имеются многочисленные элементы латинского и немецкого происхождения, восходящие частично к деятельности западных докирилломефодиевских миссий. Такой западный слой наглядно выявляется в нескольких текстах начального периода церковнославянской литературы, среди которых “Никодимова евангелие” - произведение, переведенное с латинского языка и сохранившееся в приблизительно 15 рукописях (хорватских, восточнославянских, сербских) - безусловно занимает первостепенное место. Язык этого перевода представляет чрезвычайный интерес как ярчайший образец “западного” церковнославянского языка (Вайян): его индивидуальность особенно заметна в лексике, где отмечаются многие случаи древненемецкой интерференции, как например, юнзи (discipulos), законьники (sacerdos), м*ка, пькылы (inferus).

О некоторых международных аспектах проблемы формирования империй раннего Нового времени: от союзов к коалициям?

Автору этих строк уже приходилось выдвигать и обосновывать тезис о том, что генеральным путем к великодержавию в Новое время стало возникновение и развитие империй в довольно разнообразных формах, как своеобразного "коккона, колыбели великодержавия". Не касаясь этой большой темы в целом, хотелось бы сейчас обратить внимание на одну ее существеннейшую сторону в сфере внешнеполитической жизни Европы, а именно на проблему коалиций, т.е. не двусторонних или даже многосторонних союзов держав (хотя и они попрежнему играли важную роль), а относительно прочных и длительных их объединений, в ходе столкновений между которыми решались задачи не только регионального, но и глобального значения. В историографии убедительно показано, что на Западе эпоха коалиционных войн началась примерно с 80-х гг. XVII в. в рамках противодействия угрозе превращения Франции Людовика XIV в "универсальную" империю. На юге континента сюда можно отнести деятельность Священной лиги, хотя степень интеграции, учета взаимных интересов была в ней недостаточной. В остальном европейском ареале, как это следует из работ В.Д.Королюка, а в последнее десятилетие - В.Е.Возгрина, В.А.Артамонова и др., к "коалиционному" периоду несомненно принадлежит время Великой Северной войны 1700-1721 гг. Выявлена также довольно значительная степень взаимозависимости

мости, "сцепляемости" тогдашних конфликтов в разных частях континента.

Последнее заставляет задуматься, от какого хронологического отрезка надо отсчитывать начало указанного процесса. В данной связи прежде всего вспоминается эпоха Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. - первого столкновения с почти всеевропейским охватом участников. Действительно, реальная опасность габсбургского (испано-австрийского), контрреформационного универсализма хорошо осознавалась современниками и вызвала сопротивление всех живых сил Европы. Но нет оснований считать, что коалиционный подход получил сколько-нибудь заметное место в международной жизни тех лет. Скорее можно говорить о союзах, в лучшем случае - о системе союзов, причем устойчивость их была весьма относительной, они распались довольно легко. Антигабсбургская лига являлась мощным, но хрупким образованием (даже Соединенные провинции Нидерландов не включились в нее на постоянной основе). Кроме того, немалая часть Европы: Речь Посполитая, Россия и др., оказалась вне противоборства на Западе, а уровень "сцепляемости" борьбы в разных концах континента был низким.

В свое время известный наш историк Б.Ф.Поршнев приложил немало труда, стараний и научной изобретательности для доказательства тезиса о неразрывном единстве всех важнейших конфликтов тогдашней поры по всей Европе, включая Восточную, в частности, о Смоленской войне 1632-1634 гг., как части Тридцатилетней войны и важной составляющей антигабсбургского фронта (по замыслу). Многие элементы концепции ученого, особенно в общетеоретическом плане, были убедительны и сохранили жизненность по сию пору, но ряд конкретных решений оказался менее доказательным. Так, начало

Смоленской войны зависело не столько от русско-шведских, сколько, как показал Б.Н.Флоря, от русско-османских контактов, и дальнейшие события подтвердили (в негативном смысле) правильность такого подхода московского двора. Гипотетичной остается связь действий войск Густава Адольфа в Германии с ходом его переговоров с царским правительством, отношениями с Речью Посполитой, и т.д. Вообще, на Западе и на юге военной потенциал России оценивался тогда довольно низко (Смоленская война стала новым доказательством), о Смуте не забывали, отсюда и внешнеполитические неудачи. В целом, период Тридцатилетней войны нет достаточных оснований считать началом коалиционной эпохи в международной жизни.

Следующий сюжет, требующий рассмотрения в интересующем нас сейчас аспекте, - это первый этап русско-польской войны 1654-1667 гг. Как известно, еще до ее начала и вскоре после русская и украинская дипломатии предприняли в тесной кооперации масштабную внешнеполитическую акцию на евразийском пространстве с целью обеспечить наиболее благоприятные условия для новой пробы сил в Вост. Европе. Налицо понимание значимости конфликта в регионе, способного вызвать положительную или отрицательную реакцию в немалом числе соседних и даже более отдаленных государств. Но при всей объемности осуществленных действий, цели их были ограниченными, поиски возможных союзников велись в узком диапазоне. Источники свидетельствуют, что причиной этого стал достаточно реалистичный учет основополагающего факта: русско-украинское единение и намеченное значительное расширение войны на востоке по разным причинам и в разной степени не отвечали интересам почти всех стран, к которым обратились московские и чигиринские политики. В таких усло-

виях благом являлась хотя бы их нейтральная позиция. Правда, в Бахчисарае и Стокгольме были сделаны предложения о союзе. Казалось бы, имелась в виду ось Бахчисарай - Чигирин - Москва - Стокгольм. Но это чисто внешнее впечатление. Что касается Крымского ханства, то на деле предполагалось скорее приостановить таким способом его сползание в противоположный лагерь. Сложнее оказался "шведский вариант". Правда, неверно встречающееся до сих пор в историографии (*Wojna polsko-szwedzka...*, 1973; Я.Федорук, 1996 и др.) утверждение о русском предложении союза шведам. Но фактом остается, что в сентябре 1654 г. через Москву пропустили гетманское посольство, целью которого (о чем в столице знали) являлась организация военного альянса против Речи Посполитой. Есть и еще некоторые данные (А.С.Кан, 1949, и др.), что в совокупности свидетельствует о интересе московского двора к подобному политическому проекту. Но это оказалось слабо выраженным, недостаточно активным с обеих сторон и результатов не дало.

В противоположном стане также выработали и постарались осуществить масштабную акцию на международной арене. Речь шла не только о создании пятерной лиги с участием Речи Посполитой, Крымского ханства, Дунайских и Трансильванского княжеств, нацеленной против России и гетманата (при благожелательном нейтралитете Османской империи), а о гораздо более разветвленном замысле. Во-первых, предполагалось подключить к альянсу силы мусульманских и кочевых народов Поволжья и Сев. Кавказа, зависимых от России и имевших с ней противоречия. Во-вторых, планировалось добиться поддержки на Севере, прежде всего в Швеции, может быть и в Дании, вплоть до антирусского союза с первой, а также помощи от императора и в Германии. Интересно, что значительную активность на отмеченных направлениях проявила

крымская дипломатия. На деле, однако, основная часть всего этого не пошла далее попыток, а политические реальности оказались гораздо скромнее.

В целом видим, что интенсификация восточноевропейского кризиса вызвала к жизни несколько начинаний, которые в совокупности, при их осуществлении, носили бы вполне коалиционный характер. Очевидно осознание политиками не регионального, а более общего значения данного конфликта. Но ясно и иное: противоречивость интересов почти всех сторон, степень взаимного недоверия, отвлеченность некоторых из них на иных внешнеполитических направлениях, может быть, и недостаточное понимание необходимости коалиционного подхода для решения возникших в ареале задач, с учетом их сложности и взаимопереплетения, - все это вместе не позволило тогда реально продвинуться дальше традиционных двусторонних союзов (польско-крымского, русско-украинского).

Анализ комплекса войн втор. полов. 50-х - начала 60-х гг. XVII в. (шведско-польская, переросшая в первую (вторую) Северную, русско-шведская, шведско-датская) дает возможность сделать следующий шаг. В интересующем нас сейчас ключе следует затронуть две главные темы: дипломатическую деятельность стокгольмского двора накануне и сразу после вторжения шведско-германских армий в Речь Посполитую и несколько более позднюю проблему формирования антишведской лиги. Руководители Швеции считали начинавшееся столкновение легким в чисто военном смысле, но чреватым крупными осложнениями - в военно-политическом. Они предвидели серьезное противодействие своим планам прежде всего со стороны соседей (России, Австрии, Бранденбурга, Дании), но и других (в особенности - Нидерландов с их проектами ввода флота на Балтику). Для предотвращения столь неблагопри-

ятного развития событий стокгольмские политики разработали и постарались осуществить обширную программу действий на международной арене. Их планы предусматривали либо нейтрализацию названных государств в предстоящем конфликте, либо, что считалось более реалистичным, заключение с ними системы союзов: оборонительного с Данией и оборонительно-наступательного с Англией, призванных исключить какое-либо влияние голландского флота на ход дел на Балтике и в Речи Посполитой (эти попытки не были связаны непосредственно, но шли в одном русле с проектами тех лет по созданию мощной панпротестантской лиги, над реализацией которых трудились видные представители интеллектуальной элиты, начиная с Я.А.Коменского, влиятельные идеологи и политики из окружения О.Кромвеля и др.). Военные союзы, имевшие целью удовлетворение территориальных appetites всех сторон, с соответствующим разграничением "сфер интересов", предлагались также России и Бранденбургу-Пруссии.

Данную внешнеполитическую конструкцию нельзя назвать коалицией, поскольку ее участники были бы связаны между собой не прямо, а опосредствованно, через Швецию, оказывавшуюся в центре дипломатической паутины. Но так или иначе, определенная степень их взаимодействия, при проведении проектов в жизнь, становилась реальностью, поэтому есть основания считать сие образование возможной полукоалицией. Однако судьба ее сложилась столь же печально, что и рассмотренных ранее идей, она осталась фантомом. Фактом оказался в начале 1656 г. только шведско-бранденбургский альянс, причем его удалось заключить только после перевода главных сил Карла X Густава в Вост.Пруссию, что замедлило поиски последним новых союзников (Украина, Трансильванское княжество) и облегчило массовое сопротивление захватчикам в Речи Поспо-

литой. А "лис со Шпрее", курфюрст Фридрих Вильгельм вовсе не стал для шведского короля надежным помощником. Даже в Англии, в общем дружественной, и несмотря на сильную протестантскую пропаганду внутри и извне, шведам не удалось достичь ощутимых результатов: внимание лорда-протектора приковывала война с Испанией.

Шведско-русские договоренности отнюдь не были химерой, а их достижение могло кардинально переменить течение дальнейших событий. Но из-за недостаточной информации о действительных намерениях царского правительства, реально существовавшем недоверии к его политике, желании обеспечить более выгодную обстановку для переговоров в Москве, а следовательно - лучшие условия возможного договора, Карл X промедлил с началом обязывающих контактов. Было упущено главнейшее в тогдашней переменчивой ситуации - время. Когда шведские послы появились в столице царей, московский двор уже определился с поворотом политики совсем в ином направлении.

Эвентуальные антишведские проекты вышли на внешнеполитическую авансцену с 1656 г., в кардинально переменявшейся ситуации внутреннего возрождения казалось бы уже погибшей Речи Посполитой, изменения к невыгоде шведов как военной обстановки, так и международного положения. Но такие планы пробивали себе дорогу как бы двумя потоками, не слившись воедино. Ранее всего соответствующую активность проявили с начала 1656 г. царские дипломаты. Их программа предусматривала, во-первых, прекращение войны с Речью Посполитой - перемирие, затем мирный договор при посредничестве императора, причем намечалось включить и статьи антишведского характера, вплоть до согласования боевых усилий. Во-вторых, они попытались выяснить позицию венского двора

насчет возможности военной поддержки им Польши. В третьих, в Бранденбург и Данию (попутно - к курляндскому герцогу) было направлено специальное посольство с целью привлечь их к союзу против Швеции либо, по меньшей мере, помешать дальнейшему сближению курфюрста с Карлом X (такие контакты имели продолжение). В целом, при успехе попыток, возникла как минимум частичная коалиция. Но в данном случае, не считая польско-русских переговоров, остальные элементы плана не продвинулись дальше зондажной стадии: шведская мощь казалась еще слишком опасной, а Россия - недостаточным противовесом. Выжидательная линия пока представлялась более приемлемой, но на деле это был очень близорукий, не учитывавший перспективы подход.

Второй антишведский "политический поток" стал зарождаться с конца 1656 г., но особенно с 1657 г., и в конечном счете привел к созданию сильной коалиции в составе Австрии, Речи Посполитой, Бранденбурга и Дании при активной поддержке Нидерландов. При всей ее неустойчивости, при всех противоречиях сторон и изменчивости военной конъюнктуры союзникам удалось в конце-концов поставить Швецию в тяжелое положение, хотя решающего удара они никак не могли ей нанести (долгая война предельно сократила ресурсы сторон). Сказывалось отсутствие в коалиции России: ее пытались привлечь, но из-за нового обострения польско-русских отношений она отказалась тогда от антишведского курса. В целом представляется, что именно в 50-е гг. XVII в. вполне могла стать реальностью коалиция, способная уже тогда, а не в петровское время, поставить предел шведскому великодержавию. Пусть с некоторой долей упрощения, но, на взгляд автора, с достаточным основанием можно высказать мнение, что эта идея не воплотилась в жизнь, в частности, из-за украинских перипетий:

правлящие круги Речи Посполитой старались как можно ближе вернуться к "ушедшему" - положению до 1648 г.; царское правительство пыталось сохранить все приобретенное. Отсутствовало еще понимание (столь присущее позже Петру I) того, что успех коалиционного подхода в международной жизни требует жертв и уступок, на иных этапах - значительных.

И еще одно - о результатах "неполноты коалиции" в ареале во второй половине 50-х гг. XVII в. Как только завершилась испанская война (1659 г.), великие державы того времени (Франция, Англия, Нидерланды), получив свободу рук, после гаагских "концертов", т.е. согласования своих позиций, фактически принудили коалиционеров к миру на Балтике в формах, которые не позволили последним решить в свою пользу "шведскую проблему". Было бы слишком большим упрощением считать, что участие в коалиции России могло кардинально переменить ситуацию (потенциал еще недостаточен), но оно усиливало союзников. Сверх того, морские державы имели тогда мало рычагов давления на Россию, а Нидерландам приходилось считаться с возможностью довольно болезненных экономических санкций (с учетом важности русского экспорта для судостроения, например).

Подытоживая, считаем достаточно обоснованным тезис, что именно от 50-х гг. XVII в., с крупнейшего внешне-неполитического кризиса в Восточной, отчасти Центральной (Средней), Северной и Юго-Восточной Европе следует вести начало коалиционной эпохи в европейской международной жизни, определяя одновременно этот период как важный этап на пути формирования империй Нового времени.

Поселения немцев в средневековой Западной Украине

Древнейшие юридически оформленные поселения немцев возникли в Галицко-Волынском княжестве не позже середины XIII в. В Волынской летописи имеется упоминание, что князь Данило Романович приглашал в свою столицу, город Холм, ремесленников и купцов разных наций, среди которых на первом месте названы немцы. Хорошо организованной и богатой была община немецких колонистов, преимущественно купцов, в городе Владимире на Волыни. Недавно опубликована копия грамоты, согласно которой князь Лев Данилович продал каменную церковь св. Николая в Перемышле войту Иоану “в немецкое право”. В годы правления этого князя войтом общины католических поселенцев во Львове был Бертольд Штехер. В 1339 г. последний князь Галицко-Волынского княжества Юрий II предоставил войтовство в Санюке своему слуге по имени Бортко из Сандомира. Содержание и форма грамоты типична для документов того времени о предоставлении немецкого городского права.

В конце XIV-XV вв. немецкие купцы и ремесленники составляли большинство населения центральной части Львова. Большая часть записей в книгах совета и лавы(судебного коллегіума) города - на немецком языке. Немецкие купцы пользовались влиянием и в других крупных городах Галиции, таких как Самбор, Дрогобыч, Коломыя и некоторые другие. Сельские немецкие поселения в Галиции были немногочисленными.

О немецком влиянии свидетельствует то, что ряд терминов, связанных с администрацией, военным делом, торговлей и ремеслом, перешли в украинский язык с немецкого не только при посредничестве польского, но и непосредственно. Как известно, постепенно магдебургское право, правда в модифицированном виде, распространилось на города большинства регионов Украины (но уже без участия немецких колонистов). В Киеве оно было отменено только в 1835 г.

Исламов Т.М. (Москва)

Империя Габсбургов и славяне.

Роль славянского фактора в формировании империи

1.

Славянскому фактору, наряду с немецким и венгерским, бесспорно принадлежала ведущая роль в становлении средневропейской общности, возникшей в начале XVI в. в результате династического объединения королевств Чехии и Венгрии с герцогством Австрия. Следует еще учесть кроме того трудно поддающиеся точному анализу и осмыслению роль, удельный вес и значение автохтонного славянского населения двух других неславянских феодальных государств — Венгрии и Австрии.

Славянский компонент присутствовал в обеих этих странах, образно говоря, задолго до того, как Австрия стала Австрией (тысячу лет тому назад), а Венгрия - Венгрией (тысячу сто лет тому назад). Иными словами, оба эти государства из-

начально не были однородными в этническом отношении. Точно так же этнически “чистыми” славянскими образованиями вряд ли могут считаться Чехия, Моравия, Силезия. Другое дело, что “государствообразующим” этносом славяне являлись только в Землях Чешской короны.

В Австрии и Венгрии функция государствообразующего этноса выпала на долю немцев и мадьяр соответственно. Процесс складывания этих государств происходил в длительном и сложном взаимодействии с местными славянскими племенами. Речь идет о словенцах в Австрии и о предках современных словаков в Венгрии, а также остатков славянского населения римских провинций Дакия и Паннония в канун прихода венгерских племен. Ввиду отсутствия собственного феодального сословия они не могли быть представлены в феодальных структурах этих государств. Это обстоятельство несомненно затрудняет возможность точно и четко определить место и роль славян на ранних стадиях становления австрийской и венгерской государственности, но несколько не опровергает тезис о наличии славянского элемента в качестве компонента формировавшегося населения указанных двух стран. Этот первый этап может быть назван *доимперским или догабсбургским этапом* сосуществования славян с их германскими и мадьярскими соседями.

2.

Второй этап связан со складыванием в 1526 г. ядра средневропейской империи, в разное время по разному называвшейся: то империей (или “Владениями Габсбургов”), то Австрийской империей, либо Австро-Венгрией, Австро-Венгерской монархией, империей (государством) Габсбургов (Австрийская

половина империи после преобразования последней в дуалистическое образование конфедеративного типа, названное Австро-Венгрией, и вовсе обрело — вполне официально притом — несуразное, неудобопроизносимое и просто курьезное обозначение : “ страны и земли, представленные в райхсрате”!). Привычный же и общеупотребительный термин “Австрия” (Austria) “Ostarrichi” (Österreich), первоначально относившийся к крошечному герцогству, впрочем постоянно расширявшемуся за счет поглощения соседних словенских земель, со временем стал применяться в трех разных по содержанию значениях.

Под термином “Австрия” позднее подразумевались :

- а/ собственно австрийские, или “наследственные” земли в узком смысле — Österreich unter und ob der Enns ;
- б/ империя Габсбургов в целом ;
- с/ австрийская половина империи, включая Чешские земли и Галицию, называвшаяся временами также и Транслейтанией.

Термин “Австрия” в нашей русскоязычной литературе традиционно употребляется во всех трех смыслах, нередко без уточнений и оговорок, что заставляет читателя самому догадываться, о какой из трех “Австрий” идет речь.

Двусмысленно звучит применительно к альпийско-дунайскому комплексу и понятие “империя”. Путаница возникает от того во-первых, что Австрия (без королевства Венгрия вместе с Трансильванией и Хорватией-Славонией) входила в состав “Священной Римской империи германской нации”(до 1806 г.) , а во-вторых, от того, что австрийские Габсбурги традиционно и почти непрерывно, вернее с небольшими перерывами являлись носителями короны королей и императоров Священной Римской империи, центр тяжести которой всегда

находился в Германии. Династия Габсбургов, т.е. Австрийский Дом, однако, ею никогда не управлял, несмотря на громкий титул. Точно так же германские государства никакими рычагами, ни формально, ни фактически, воздействия на австрийские и другие владения династии не обладали.

Власть Габсбургов распространялась фактически лишь на собственные владения (*Hausmacht*), в строгом соответствии со средневековым феодальным правом. Но и то далеко не равномерно, поскольку каждая из составных частей этого верхушечного образования долгое время еще сохраняла свою историко-этническую индивидуальность. Причем даже безотносительно к этническому составу населения. Наиболее яркий тому пример — Тироль, хранивший свою локальную специфику много дольше и упорнее, чем другие австрийские провинции с сильной славянской примесью.

Разрозненные и разобщенные между собой куски стран и земель, принадлежавших династии, помимо личности монарха первоначально мало что связывало. Тенденции к разобщению уравновешивались и нейтрализовались мощным воздействием двух факторов — христианством западного, латинского обряда и римским правом. Чехией, Моравией и Силезией, не говоря уже о королевстве Венгрии, а точнее его северо-западных комитатах, и после 1526 г. по прежнему продолжали управлять собственные феодальные сословия.

3.

Сплочению славян и венгров вокруг династии в XVI-XVIII вв. в сильнейшей степени способствовал еще один внешний фактор, самый главный и важный, пожалуй,— османско-мусульманский. Угроза порабощения турками-османами Средней Европы приняла вполне реальные очертания на рубеже

XV-XVI вв. , когда ослабленное внутренними междоусобицами королевство Венгрия практически перестало быть барьером на пути продвижения турок вглубь европейского континента. Более или менее успешно она выполняла эту свою роль, сдерживая натиск грозного противника на протяжении более чем ста лет. В начале XVI в., и особенно заметно после блистательных побед короля Матьяша Хуняди (Корвина) , Венгрия сама нуждалась в действенной помощи извне, в поддержке всего христианского мира. Организация отпора агрессии с юго-востока объективно являлась общеевропейской задачей, однако, как обычно бывает, осознали эту историческую необходимость лишь те страны и народы Европы, кому довелось осязаемо ощутить близость грозящей опасности — славяне, немцы, мадьяры, в первую очередь. О балканских народах я не говорю, поскольку к концу XV в. они уже глубоко и прочно сидели в тылу у наступающих турок, а в элитных соединениях армии султана несло воинскую службу немало сербов, албанцев и других представителей стонавших под невыносимым турецким игом славянских и неславянских народов.

Аномалия ? Возможно.

Но феномен отнюдь не исключительный. Вспомним пример самой передовой европейской нации—французской. Католическая Франция была традиционной союзницей мусульманской Турции в вековой борьбе последней против единой католической Австрии (При осаде Вены в 1683 г., когда на волоске висела судьба Австрии, а может быть и пол-Германии, в рядах штурмующих сражалось и войско трансильванского князя. Правда он был вассалом Порты, что некоторым образом смягчает вину венгров, но не отменяет принципа.). Но Франция была далеко от основного маршрута османского удара, и ее короли могли позволить себе роскошь не брезговать союзом с

“неверными” во имя реализации своих эгоистических интересов на Рейне.

Иной логикой руководствовались страны средневропейского региона. Чтобы спастись им было необходимо объединиться. Чтобы остановить османов надо было радикальнейшим образом реорганизовать геополитическое пространство Средней Европы, разделенное между тремя монархиями. С гибелью венгерского войска вместе с королем в роковой битве под Мохачем, в которой принимал участие и чешский отряд, ранее заключенные чешско-габсбургско-венгерские династические брачные контракты неожиданно наполнились реальным историческим содержанием, создавая законные основания для соединения трех корон.

Закономерно, что выбор истории пал на Габсбургов, ибо в сложившихся условиях им одним было под силу осуществить дело объединения, и что не маловажно, устойчиво обеспечить в качестве императоров Священной Римской империи военно-политическую и финансовую поддержку оказавшемуся в беде региону со стороны Германии. Однако понадобилось почти два столетия без малого, чтобы заложенный в этом средневропейском союзе народов во главе с династией Габсбургов потенциал смог дать решающий эффект. Произошло это в решающей для судеб Средней Европы битве у стен Вены летом 1683 г., когда наконец то отпор османской агрессии стал делом “всей Европы”, разумеется, “за вычетом” Франции. Тема обязывает напомнить еще раз о том славном вкладе, который внесло в общую победу польское войско **славянского** короля Собесского. Итак, помимо собственных австрийских славян, наверняка сражавшихся как в рядах венского ополчения, так и регулярной армии эрцгерцога Леопольда, Австрию спасали также и славяне зарубежные. Таким образом можно говорить о двойном сла-

вянском вкладе в сотворение империи Габсбургов. Последние в свою очередь могли отплатить славянству немедленно и обесмертить свое имя как освободители не только Венгрии с Хорватией и Трансильванией со всем ее славянским населением, но и Балкан, хотя бы значительной части полуострова.

Но этого не случилось. Не случилось несмотря на то, что победоносные армии принца Евгения Савойского, взяв сходу крепость Белград, беспрепятственно продвигались вглубь Балкан. Не случилось этого потому, что надвигалась новая война с Францией, война за Германию, война “ за испанское наследство”. Пришлось заключить мир ценой возвращения Порте Белграда, Ниша и других сербских территорий. По этой причине Карловацкий мир 1699 г. закрепил за династией только Венгрию вместе с Трансильванией и Хорватией-Славонией.

Таким образом под властью Габсбургов оказались новые обширные земли , населенные славянами. Впервые за многие столетия произошла смычка этнических территорий западных и южных славян. Последние стали надежной опорой габсбургской власти на южных рубежах королевства Венгрия благодаря созданию сплошной линии военных поселений от Адриатики до южных отрогов Карпат, так называемой “Военной Границы”, просуществовавшей почти до последней трети XIX в. Хорватским и сербским полкам Австрийский дом доверил защиту важнейших и наиболее угрожаемых участков границ империи. Надо сказать, что и династия не осталась в долгу перед “своими” южными славянами. Она щедро одарила сербов плодороднейшими землями Славонии и южно-венгерских комитатов. Так были созданы предпосылки возникновения тех самых “ Краин”, ныне печально знаменитых. К этому времени, а именно к концу ХУП в., относится также формирование в составе Венгрии области, известной в настоящее время как **Вое-**

водина, обязанной своим возникновением широкому гостеприимству династии, приютившей у себя, т. е. в Венгрии в 1690 г. десятки тысяч балканских сербов во главе с их патриархом Черноивичем, страшившихся мести султана. То был несомненно редкий для средневековья акт гуманности, ибо в противном случае им грозила неминуемая гибель.

Сербская православная церковь в Венгрии получила от Габсбургов привилегии, каких не имела ни одна некаатолическая конфессия в империи. Сербские военные формирования верно служили династии и трону в борьбе против всех ее врагов, как против внешних, так и внутренних, в частности и особенно, против непокорных мадьяр. Они сыграли выдающуюся роль в усмирении восставшей против нового чужеземного ига Венгрии в австро-венгерской войне 1703-1711 гг., наводя ужас и на мирное венгерское население неформальными методами войны, усвоенными ими за долгие годы общения с янычарами или даже службы в них.

Не всем славянам, однако, так крупно повезло с Габсбургами. Многим словакам и русинам северо-восточных комитатов Венгрии, оказавшимся в лагере антиавстрийских повстанцев князя Ракоци Ференца II, пришлось сложить голову в войне за свободу общего венгерского отечества. Еще более крупные потери понесли чехи, покоренные в самом начале 30-летней войны вследствие проигрыша Белогорской битвы в 1620 г. и покоренные окончательно в ходе жестоких гонений эпохи контрреформации.

4.

Победой под Веной и последовавшим за ней изгнанием османов из Венгрии завершился в основном второй военно-политический этап строительства империи. Точка же была поставлена в 1711 г. заключением Сатмарского мира (с Венгрией)

и в 1713 г. Утрехтского — с Францией. Королевство Венгрия вместе со всеми ее придатками окончательно и практически впервые вошло в состав владений Габсбургов. Приобретением обширных территорий в Италии и присоединением Бельгии Австрия надолго закрепилась в южных Нидерландах и на Аппенинском полуострове.

Завершился начавшийся в 1526 г. мучительно трудный процесс формирования империи, новой великой державы. Державы, которая в отличие от Франции, Англии, Голландии и Испании, уже вступивших на путь становления национального государства, не имела не только ярко выраженного этносагегона, но даже официального названия.

Но уже в это время получил право гражданства для обозначения всего комплекса владений династии термин **“МОНАРХИЯ”**, пущенный в оборот одним из главных архитекторов империи принцем Евгением Савойским. Он, как указал в одном из своих сочинений патриарх современной австрийской историографии Адам Вандрушка, говорил, буквально о “далеко раскинувшейся и великолепной **монархии**”.¹ Именно этому простому слову, в общем-то никак с его первоначальным смысловым содержанием, с формой правления, не связанному, со временем было суждено стать самым употребительным при упоминании империи Габсбургов.

В 1713 г. произошло еще одно важное историческое событие, имевшее далеко идущие последствия для всех народов империи. Тогда был принят первый закон общеимперского назначения, первый и единственный государственный акт Австрийского дома, сохранивший силу до 1918 г. — Прагматическая санкция (Sanctio Pragmatica). Она установила общие и обяза-

¹ A. Wandurska. Das Haus Habsburg. Wien- Freiburg- Basel. 1989. S. 155.

тельные для всех подвластных династии стран и земель правила наследования престола по старшинству и независимо от пола (*primogenitur*) и зафиксировала принцип единства и неделимости владений Австрийского дома, превратив тем самым рыхлый, плохо сколоченный конгломерат фактически самостоятельных государств в империю с устойчивой внутренней структурой и неплохими шансами на стабильность и интеграцию.²

Прагматической санкции, имевшей силу закона, придавалось столь важное значение, что венский двор, не ограничившись простым его провозглашением в качестве монаршего указа, настоял на принятии ее и одобрении сословными собраниями всех стран империи. Одной из первых пошла на это славянская Хорватия-Славония, которая с полным правом может считаться одной из первых учредительниц империи Габсбургов; хорватский Сабор утвердил Прагматическую санкцию в 1713 г. Последней признавшей ее была Венгрия, Государственное собрание которой санкционировало включение Прагматической санкции в венгерскую конституцию, правда с довольно существенными оговорками, лишь в 1723 г., спустя 10 лет. Точно также поступил “наследственный враг” Габсбургов — Франция. Версальский двор стал последним из европейских дворов, признавших новый порядок наследования австрийской короны.

² Выдающийся австро-американский историк Роберт А. Канн с Прагматической санкцией связывает начало процессов интеграции империи, которой к традициям и необходимости общей обороны прибавились предпосылки многообразных культурных, хозяйственных и административных связей между отдельными частями монархии. См.: Robert A. Kann. *Werden und Zerfall des Habsburgerreiches*. Graz-Wien-Köln, 1962. S. 46

В конце XVII в. с вытеснением турок-османов из пределов Венгрии отпала угроза порабощения, и казалось бы, исчезла и объективная историческая причина, которой в свое время было продиктовано соединение народов средневропейского региона в империи Габсбургов. Но они не разбежались, хотя для этого возможностей и случаев было предостаточно. Уже в 1704 г., во время войны за “испанское наследство”, и позднее, в 1740-1750 гг., в войне “за австрийское наследство” и в Семилетней войне. Но они не ушли. Даже мадьяры. Значит было что-то еще, помимо внешней угрозы, что привязывало их к династии, трону, монархии. Наоборот, несмотря на военные поражения и неудачи, XVIII в. стал для многонациональной монархии временем внутренней стабилизации, консолидации, интеграции.

В чем причина?

Ведь должны же были быть, как писал когда-то Роберт Канн, какие-то “минимальные условия политического и идеологического сплочения” монархии Габсбургов³.

Это и есть коренной вопрос исторического феномена, называвшегося монархией Габсбургов, природу и сущность которой лучше и точнее всего выразил бы термин — *Vielvölkerstaat*.

³ *Ibid.*, S. 19.

Рыцари - тевтоны и половцы

О первом знакомстве западноевропейского рыцарства с кочевниками - половцами можно говорить с конца XI в. Рыцари-крестоносцы узнали о половцах в период Первого крестового похода, проходя через территории Венгрии и Византии. В XII ст. половцы уже появляются в самом центре Европы. В 1132 г. в чешском войске находился наемный половецкий отряд, представленный венграми. В документе, сообщающем об этом, половцы названы по немецки - Купеп. Это название в дальнейшем и употреблялось немцами для наименования половецв.

Венгры в XII в. начинают использовать для своих военных целей половецв. Половцы, перешедшие на службу венгерским правителям, расселяются как федераты на пограничных землях королевства. Известны поселения половецв на северо-западном пограничье по рекам Морава, Нитра, в Северной Венгрии в горах Матры.

Это небольшие поселения отдельных половецких групп, не слишком многочисленных, несших пограничную службу, принимавших участие в военных предприятиях венгерских королей. Половцы расселились в Венгрии подобно тому, как ранее печенеги, торки и берендеи, становившиеся новыми подданными венгерских королей. Короли Венгрии здесь действовали подобно византийским императорам, неоднократно расселявшим разные племена тюркских кочевников, приходивших из южно-русских степей, в своих балканских владениях.

В начале XIII в. в венгро-половецких отношениях происходят перемены. Половцы становятся сильнейшей угрозой юго-восточным владениям королевства. Барцашаг - юго-восточная провинция Венгрии с центром в городе Брашове подвергается столь разорительным набегам половцев, что в документе 1211 г. она характеризуется как "пустынная и необитаемая".

Нападения половцев на венгерские земли в начале XIII в. связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, в конце XII в. половцы окончательно освоили степи Нижнедунайской низменности. Ранее они являлись туда лишь наездами из северо-причерноморских степей, теперь же стали кочевать постоянно, став, таким образом, непосредственными соседями королевства.

Во-вторых, если в 1186-1206 гг. активность подунайских половцев была направлена прежде всего на юг, где они поддерживали борьбу болгар и влахов против Византии, затем против Латинской империи крестоносцев, то после торжества Калояна под Адрианополем в 1205 г. над войсками императора Балдуина интенсивность половецких походов на южный берег Дуная снижается. Ранее болгары охотно по соглашению 1186 г. предоставляли половцам совершать набеги на византийские города и селения, расплачиваясь таким образом за оказание кочевниками военной помощи возрождающемуся Болгарскому царству. Теперь же, овладев прочно этими землями, болгары менее всего были заинтересованы в продолжении половецких грабежей на них. Отдельные половецкие отряды еще долго находились на службе у Болгарии, Латинской империи, Никейской империи, но для массовых вторжений за Дунай путь половцам был закрыт.

Таким образом, не имея возможности совершать набеги на Балканы, половцы подунайские обратили свое внимание на незащищенные юго-восточные рубежи Венгрии, следствием чего к 1211 г. и стало беспощадное разорение ими Барцашага.

Не рассчитывая собственными силами отразить половецкие вторжения, король Андрей II прибег к помощи иноземных рыцарей. Наибольшие надежды он возложил на Тевтонский орден. Рыцари-тевтоны во главе с магистром Германом фон Зальцем получили право занять обширные земли в Барцашаге для защиты юго-восточных владений королевства от половцев.

Документы того времени прямо свидетельствуют, что рыцари были направлены "в земли из всех наиболее в охране их границ нуждающиеся", "в земли до такой степени пустынные и ненаселенные, что даже скорее всего лучше сказать, обретенные, будучи залитыми собственной кровью".

Нельзя сказать, что появление в Барцашаге немецких рыцарей сразу же переломило положение дел там в пользу Венгрии. В одном из документов 1223 г. прямо говорится, что земля Барцашаг "из-за вторжения язычников до сих пор разоренной и пустынной остается".

Беда была еще в том, что у немцев и венгров оказалось совершенно противоположное понимание сути королевского дара тевтонам в Трансильвании. Орден вознамерился основать в Барцашаге собственное государство под эгидой римского папы. Разумеется, Венгрия не могла смиренно воспринять подобное намерение тевтонов и в 1225 г. король Андрей II силой изгнал немецкий рыцарский орден из Трансильвании.

Так бесславно для рыцарей - тевтонов завершилось их пребывание по соседству с половецкими степями.

Книги немецких ученых в библиотеке Московского университета

1. Библиотека Московского университета, старейшая библиотека России, первая библиотека Москвы, основанная в 1756 г., хранит в своих фондах более 8 миллионов книг, 220 тысяч из них составляют фонды отдела редких книг и рукописей - богатейшего хранилища памятников десяти веков книжной культуры.

Фонды библиотеки, сформированные в XVIII в., погибли во время пожара Москвы 1812 г. Были утрачены коллекции книг просвещеннейших людей того времени: П.Г. Демидова, Е.Р. Дашковой, профессоров Московского университета И.М. Шадена, Г.Греллмана, издания типографии университета за 1756-1812 гг.

2. Послепожарное собрание библиотеки формировалось в XIX в. во многом благодаря пожертвованиям частных лиц - ученых, людей разного общественного положения и звания, а также различных учебных заведений и академий. Не последнюю роль здесь сыграли книжные собрания профессоров Московского университета, многие из которых были выходцами из Германии, что не могло не отразиться на составе книжных собраний.

3. Появление в фондах библиотеки наиболее ранних памятников книгопечатания - фрагментов латинской грамматики Элия Доната, связано с коллекцией книг Фишера фон Вальдгейма (1771-1853), ученика Авраама Готтлиба Вернера, друга

Александра Гумбольдта и Жоржа Кювье, хорошего знакомого Гете и Шиллера.

Более поздние издания библиотеки происходят из собраний Ф.Г.Баузе (1752-1812), ординарного профессора римского права, выпускника Лейпцигского университета; Г.Ф.Гофмана (1766-1826), ученика Линнея Шребера; Георга Рихтера (1592-1651) - доктора права, вице-ректора университета в Альтдорфе; Иоганна Христофора Вагензайля - профессора и библиотекаря того же университета; Хайстера Лауренциуса (1683-1758) - профессора, анатома и хирурга, Байера Иоганна Якоба (1677-1735) - доктора философии и медицины (Альтдорфский университет); Иоганна Мендля, доктора права из Нойбурга, Иоганна Лауренциуса Лепиуса - доктора медицины и философии из Ансбаха и других.

4. Принадлежность книжных собраний многочисленным лицам устанавливается на основании экслибрисов, имеющих на книгах, а также записей и автографов. К сожалению, не всегда можно установить, каким образом книги из ранних немецких книжных собраний XVI, XVII вв. поступили в прошлом веке в библиотеку Московского университета, но вполне возможно предположение, что они были в составе собраний немецких профессоров, которые в XVIII-XIX вв. приглашались в Московский университет для чтения лекционных курсов; среди них - Иоганн Готфрид Рейхель (1757-1778), Иван Андреевич Гейм (1758-1821), Фердинанд Фридрих Рейс (1778-1852), Иоганн Феофил Буле (1769-1821), Грелльман Генрих Мавриций Готтлиб (1758-1814), Фридрих Гольдбах, Георг Франц Гофман (1766-1826) и многие другие.

Образ чешского короля Пршемысла Оттакара II в немецких хрониках XIII-XIV вв.

Фигура Пршемысла Оттакара II привлекала внимание средневековых немецких историографов как по причине размаха его политической деятельности, так и потому, что последняя была по преимуществу связана с различными областями тогдашнего немецкого королевства. Их отношение к Оттакару не являлось однозначным и зависело от того, какие эпизоды из жизни чешского короля оказывались у них в поле зрения. Представляется интересным проследить это по сообщениям, касающимся начала самостоятельной политической деятельности Пршемысла и известиям о его трагическом конце. Первое - это поход Пршемысла в Пруссию в 1254-1255 гг., второе - битва на Моравском поле 26 августа 1278 г.

Первому событию посвящены два иностранных сообщения в местных источниках: современное в т.н. "Echordium ordinis stucifegoium", возникшем до 1260 г. и входящем в "Старшую оливскую хронику", и более позднее - в "Хронике земли Прусской", созданной священником Тевтонского ордена Петром Дусбургским в первой половине XIV в. Как неизвестный автор "Echordium", так и Петр симпатизируют правителю далекой Чехии. Автор "Echordium" сообщает "...Бог, который желал, чтобы они (самбы - приморское прусское племя) познали свет истинной веры, послал в год Господень 1254 в Пруссию благородного короля Богемии Оттакара, которого сопровождал Оттон, маркграф Бранденбургский, и герцог Австрии, и маркграф Моравии, и многие другие благородные люди..." Крестоносцы,

опустошив ряд местностей, вынуждают язычников дать королю заложников и пообещать сделаться христианами и во всем повиноваться братьям Тевтонского ордена. Король благосклонно их принимает и повелевает немедленно крестить. Совершив эти подвиги, он указывает на обратном пути место, где братьям следует построить замок - будущий Кенигсберг. "И для его строительства дал он щедрые дары, приличествующие королевскому величию и чести." Таким образом, перед нами идеальный христианский государь - защитник веры, отважный и щедрый рыцарь. Известие автора "Exordium" мало чем отличается от сообщений чешских анналов, разнясь только в деталях. Так, если в чешском памятнике говорится просто о Пруссии и пруссах, то для оливского автора существенно, что правитель Чехии выступает именно против самбов (при этом перечисляются названия конкретных местностей, разоренных крестоносцами). С другой стороны, в "Exordium" допущены неточности. Маркграф Моравии и герцог Австрии не могли сопровождать Пршемысла, т.к. он сам был носителем того и другого титула. К тому же, он в ту пору королем еще не был. Такого рода "терминологическая небрежность" весьма показательна - она указывает на то, что современники Пршемысла, более чем чуткие к изменениям титулатуры, уже усвоили к тому времени, что правитель Чехии должен быть королем. Подобную "небрежность" проявляет в своих посланиях и папа Александр IV, знавший, конечно, что Пршемысл еще не получил королевской короны.

В хронике Петра Дусбургского Пршемысл также безусловно положительный герой, "муж как преданный Богу, так и искусный в военном деле". Полиэтничность войска Пршемысла для автора значения не имеет: рассказывая об одном пруссе, который не успел спасти своих близких потому, что не знал,

"сколь стремительны бывают немцы на войне", он словно бы не замечает, что значительное число воинов и их военачальник немцами не были. Подобное восприятие правителей Чехии не было всеобщим. В "Саксонском зеркале" (ок. 1220г.) прямо говорилось, что король богемский не имеет права участия в выборах римского короля, "потому что он не немец". Впрочем, Пршемысл не только участвовал в выборах, но и сам оказался в числе претендентов.

Последняя битва и гибель Пршемысла подробно освещены в ряде немецких хроник. Почти во всех Пршемысл решительно осуждается. Он нарушитель мира, неверный вассал, не подчинившийся авторитету Св.Престола и отлученный от церкви. Ему противостоит Рудольф Габсбург - муж, опытный в военном деле, защитник мира и веры, т.е. обладатель стандартного набора характеристик христианского государя.

Составитель "Annales sancti Rudberti Salisburgensis" обвиняет имперских князей, не поддержавших Рудольфа, в том, что они были подкуплены Пршемыслом, и называет их "сыновьями Иуды". Подчеркивается богоугодный характер действий Рудольфа: его воины сражаются с крестами на одеждах, под знаменем Св. Креста, в день Св. Креста - пятницу, около шестого часа, в который принял смерть Спаситель. Отметив гордыню Пршемысла, автор подробно и не без злорадства живописует убийство короля его бывшими подданными, которые, еще вчера трепетавшие перед ним, теперь плюют ему в лицо. Гибель Оттакара преподносится как урок тиранам и владыкам мира.

В том же духе представлялся конец Оттакара в "Continuatio Vindobonensis". Пршемысл неверен, коварен, заказывает ведьмам яд для Рудольфа, вводит того в заблуждение смиренными письмами, сам же вторгается в Австрию. Автор "Continuatio" также подчеркивает мотив защиты Рудольфом

церкви. Римский король делает боевым кличем своего войска слова "Христос, Христос", причем имя Божье повторяют не только немцы, но и "полухристиане-венгры" и язычники-куманы.

Рассказав о победе Рудольфа, автор высокопарно заявляет, что в "этот день пало чешское ярмо с австрийцев, штирийцев и каринтийцев, которое те незаслуженно несли в течение долгого времени". В качестве иллюстрации приводятся "злодеяния" Оттакара, совершенные тем в бытность австрийским герцогом: он приказывал таскать знатных людей по городу, привязанных к конским хвостам, подвешивать железными цепями на виселице, предназначенной для простолудинов, одних сжег в своих венских башнях, других обезглавил.

Несколько особняком стоит "Historia annorum 1264-1279" Гундольфа из монастыря Хайлигенкрейц (Нижняя Австрия). Не настаивая на правоте чешского короля, он все же находит его достойным сочувствия. Решение Пршемысла лучше найти смерть в бою, чем жить побежденным, Гундольф комментирует неопределенным "Что больше?", которое в контексте его известия приобретает скорее понимающий, чем осуждающий оттенок. В противоречии с другими хронистами, склонными подчеркивать "религиозный" характер борьбы Рудольфа с Пршемыслом, Гундольф восхищается примерным благочестием погибшего короля и негодует из-за того, что после смерти он был "словно туша, вскрыт, словно рыба, выпотрошен, и это (внутренности) было сложено в горшок и отделено от тела", и высказывает по этому поводу странную мысль, что таким образом Оттакар после гибели претерпел жестокую вторичную смерть, ибо нет для проклятого ничего ужаснее, чем "разделение тела и души".

Создатель "Кольмарской хроники", не питая очевидной личной неприязни к Пршемыслу, искренне восхищен Рудольфом и пришедшими с ним швабами и эльзасцами - своими земляками. Бог стоит на стороне римского короля, свидетельство чему - знамение, явленное в виде облака, постоянно находившегося над войском Рудольфа.

Еще об одном знамени рассказывается в "Liber certarum historiarum" аббата монастыря Виктринг в Каринтии Иоганна. Накануне сражения Рудольф видит, как в небе сражаются лев и орел. Орел, разумеется, побеждает. Смерть же Пршемысла является заслуженной, ибо он убит друзьями и родственниками тех, кого подвергал жестоким пыткам.

Перечисленные хронисты не рассматривают конфликт двух правителей как межнациональный (только автор "Continuatio Vindobonensis" упоминает "незаслуженное чешское ярмо"). В их изложении это не противоборство "gens Teutonica" и "gens Voemica", но столкновение между господином и вассалом. Славянство Пршемысла не играет роли, он не чужой, а один из имперских князей, восставших против высшего авторитета Империи. Наряду с поляками ему помогают те же немцы (Иоганн Виктрингский перечисляет баварцев, мейсенцев, саксонцев и тюрингцев). В этом смысле чешские авторы гораздо решительнее противопоставляют чехов и немцев. На Моравском поле рядом с чехами бьются только поляки, тогда как Teutonici после гибели Пршемысла опустошают страну.

Негативный образ чешского короля, созданный немецкими хронистами в связи с событиями 1278 г., был впоследствии популяризирован (в частности, в драме Франца Грильпарцера "Величие и падение короля Оттакара") и надолго вошел в историческое сознание австрийцев, оставаясь господствующим вплоть до недавнего времени, когда произошла существенная

переоценка роли Пршемысла Оттакара II в истории австрийских земель.

Кретицин С.В. (Воронеж)

Немецкий "Drang nach Osten" в оценке Отто Бауэра

Отто Бауэр известен в первую очередь в качестве ведущего теоретика австромарксизма и крупнейшего функционера австрийской социал-демократии. Однако в череде сопоставимых с ним личностей в международном социал-демократическом движении Бауэр выделялся склонностью к специальным историческим исследованиям. Одним из главных направлений в его исторических сочинениях являлось рассмотрение истории немецкой колонизации славянских земель в раннее и развитое средневековье - истории немецкого "Drang nach Osten".

Главным фактором, определившим ход европейской истории, Бауэр называл "великий процесс колонизации востока и юга" немцами. Этот процесс Бауэр объяснял медленным совершенствованием техники сельского хозяйства при быстро растущем германском населении и, как следствие этого, нехваткой земель и продовольствия. Главной движущей силой колониационного движения он называл крестьянство, а начало самого этого движения считал стихийным.

Бауэр героизировал германскую колонизацию, живописуя трудности, с которыми приходилось сталкиваться переселенцам, в первую очередь, их борьбу со славянами.

Руководство колонизационным процессом оказалось в руках рыцарства, что Бауэр находил вполне обоснованным, так как именно на рыцарство ложилась задача разбить "военную силу славянских народностей". Именно рыцарство виделось Бауэру главным носителем цивилизации в средние века, под защиту которого на вновь осваиваемые земли двигались массы крестьян. Главным же орудием распространения немецкой культуры он считал церковь.

Оправдывая немецкую колонизацию, Бауэр выделял два основных ее типа. Первый состоял в насильственном завоевании славянских земель, как это было, например, в Бранденбурге. В этих районах борьба между немцами и славянами носила ожесточенный характер; значительная часть славян была просто истреблена.

Колонизация второго типа характеризовалась Бауэром как добровольное признание славянскими князьями в Мекленбурге, Померании, Силезии, пограничных районах Богемии (Чехии) власти немцев. В этих областях активно шла ассимиляция славянства.

Бауэр выделял следующие этапы германской колонизации в географическом и хронологическом плане:

I. *Южное и юго-восточное направление.* Бауэр рассматривал наступательное движение немцев на населенные славянами районы Центральной и Юго-Восточной Европы в двух основных временных отрезках и географических ориентациях:

1) вторая половина VII в. - 820 г. - в этот период происходит покорение немецкими князьями населенных южными славянами (словенцами) территорий Карантании (Хорутании).

2) XII-XIV вв. - колонизация немцами территорий в Центральной Европе - Чехии (Богемии), Польши, Венгрии.

Итогом колонизации этих районов явилось возникновение Австрийского государства.

II. Восточное и северо восточное направление (конец VIII-XII вв.). Колонизация немцами земель полабских славян (собственно "Drang nach Osten!"). Итогом этого направления немецкой колонизации Бауэр считал создание Прусского государства.

Бауэр различал итоги немецкой колонизации по южному и юго-восточному направлениям. Он подчеркивал, что славянское население Карантании - словенцы было быстро ассимилировано немцами и не играло никакой самостоятельной роли в истории средних веков.

Иные результаты имело немецкое колонизационное движение "у границ Германской империи", движение, направленное на территорию уже сложившихся "национальных государств" - Богемии, Польши и Венгрии. В отличие от покорения крестьянских районов, заселенных южными славянами, "здесь немецкий элемент не поглотил и не поработил коренные нации". Но он сумел проникнуть "в тело национального государства" и произвести в нем многочисленные и разнообразные изменения.

На примере "великой немецкой колонизации" Бауэр ввел в широкий оборот понятие "неисторические нации", к которым он относил большинство славянских народов (кроме русского и польского). Понимая под "неисторическими нациями" те народы и народности, что не сумели создать или сохранить собственной государственности, Бауэр фактически делил современные ему народы на первый и второй сорта. Он осуждал национально-освободительное движение славянских народов в составе дуалистической монархии, так как был убежден, что только при условии сохранения территориальной целостности

этого государства процесс перехода к социализму будет реален. Главную дестабилизирующую силу, направленную на подрыв сложившегося status quo в Европе, Бауэр усматривал в Российской империи, поощрявшей процесс "пробуждения неисторических наций" - славян.

Кузнецова А.М. (Будапешт)

Образ полабско-балтийских славян в "Славянской хронике" Гельмольда

В последнее время тема образа "другого" находится в центре внимания многих ученых. Разнообразным аспектам данного понятия был посвящен Международный конгресс историков и социологов 1985 г. в Штутгарте, им уделялось внимание на страницах многочисленных журналов и монографий. Интерес к данной теме совсем неудивителен: межнациональные конфликты и процессы интеграции, вопросы ассимиляции и проблемы сохранения этнической культуры в современном мире заставляют вновь и вновь обращаться к анализу взаимных представлений соседствующих народов друг о друге в прошлом и настоящем.

Такое изучение применительно к славянам и немцам, в свете известных конфликтов и войн, отличалось не только особой актуальностью, но нередко и тенденциозностью. Упрощения, окрашивающего образ соседей в цвета исключительно контрастные, разумеется, отчасти не избежало и прочтение источников, содержащих информацию о взглядах друг на друга у славян и немцев средневековья. Думается, что рассмотрение

образа полабско-балтийских славян на примере "Славянской хроники" Гельмольда (XII век), способно продемонстрировать сложность и неоднозначность представлений о славянских соседях, содержащихся в этом источнике.

Гельмольд (1110/1117 - после 1177) был хорошо знаком с жизнью славян, особенно вагров. Он провел свое детство и юность в Вагрии, был пресвитером в Бузу на Плуньском озере, также расположенном в области вагров. Возможно, Гельмольд даже знал язык славян, что позволяло ему лучше узнать своих соседей. Хотя из 108 глав хроники 31 целиком посвящены славянам, цель своего сочинения Гельмольд усматривает отнюдь не в описании их обычаев, нравов, верований: сведения подобного рода второстепенны в "Славянской хронике". Труд свой Гельмольд посвятил Любекскому, а в недавнем прошлом Альденбургскому епископству, в пределы которого входил и его приход в Бузу. Гельмольд старался написать историю обращения полабско-балтийских славян в христианство, описать те усилия, усердие и мученичество, которые пришлось проявить иерархам и священникам церкви в нелегком деле борьбы со славянским идолопоклонничеством.

В данном случае образ полабско-балтийских славян, образ "другого" создается прежде всего в описании взаимоотношений язычников-славян и христиан-саксов, взаимоотношений как мирных, так и конфликтных. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что события, которые в конце-концов привели к окончательной христианизации полабско-балтийских славян "огнем и мечем", описываются Гельмольдом не столько как представителем одного из немецких племен (мы не можем утверждать, что Гельмольд был саксом), сколько как лицом духовного звания.

Для Гельмольда славяне не просто враги, разбойники, коварные язычники, они прежде всего его будущие прихожане. Не ненависть или неприятие к славянам как таковым движет автором хроники, а стремление объяснить неудачи саксонских священников в деле распространения веры Христовой среди славян и желание воспеть успехи, которые все же были не столь многочисленны как поражения. Можно сказать, что Гельмольд с одинаковым усердием подвергал критике как упрямых славян, отчаянно сопротивлявшихся насаждению у них христианства, так и жадных саксов, единственным интересом которых, по мнению хрониста, была жажда наживы, заставлявшая их пренебрегать интересами церкви. Более того, кажется, что саксонский герцог Генрих Лев не нашел в Гельмольде столь горячего поклонника как славянский князь Готшалк, прославившийся распространением христианства у своего народа (гл.19, 21, кн.1).

Образ славян, таким образом, нельзя назвать целиком "окрашенным в черные тона". С одной стороны, Гельмольд называет их народом странствующим и подвижным, строптивым и неверным, промышляющим разбоем (кн.1, гл.2), по природе своей ненадежным и ко злу склонным (кн.1, гл.14). С другой же стороны, хронист характеризует полабско-балтийских славян как самый гостеприимный из известных ему народов (кн.1, гл.82), среди которого не найдешь нуждающегося или нищего, так как все окружены заботой о старших (кн.2., гл.12).

Кроме того, Гельмольд даже противопоставляет иногда достойное поведение славян и вероломство саксов. Наиболее яркий пример "Каким образом славяне отпали от веры" (гл.16, кн.1), в которой вина за указанное событие возлагается целиком и полностью на саксов, и, прежде всего, на герцога Бернарда, который "предал полному забвению то расположение,

которое его отец и дед питали к славянам и...своей жадностью поставил их в необходимость вернуться к язычеству." В данной главе приводится история о том, как в ответ на помощь, оказанную славянским князем Мстивоем герцогу Бернарду, последний не только нарушил свое слово, данное первому, но и совершил еще более неблагоприятный поступок, назвав славянского князя собакой. Ответственность за последовавшее за этими событиями "отпадение славян от веры", сопровождавшееся жестокой расправой с христианами, Гельмольд возложил на вероломного саксонского герцога. Сам же славянский князь всю свою оставшуюся жизнь был мучим жестоким раскаянием, по словам хрониста, как и другой славянский князь Готшалк.

Нередко образ славян создается Гельмольдом с помощью прямой речи славян, объясняющих причины их неприсоединения к христианской вере тяжестью возложенных на них поборов, таким образом как бы переноса в глазах читателя тень негативности опять же на саксов, тяжело угнетавших своих языческих соседей (кн. 1, гл. 83).

"Славянская хроника" Гельмольда содержит богатый материал, подтверждающий сложность и разносторонность образа полабско-балтийских славян, анализу которого и посвящен настоящий доклад.

Немецкая духовная культура на пограничьи Центральной и Восточной Европы: Подляшская земля и Супрасль до начала XX столетия

История взаимоотношений немецкоязычного и восточнославянского миров насчитывает более тысячелетия. Процесс этот был сложным, порой трагическим. До сих пор исследователи уделяли преимущественное внимание его политической стороне, проблемам политики и геополитики. За этим шли темы, связанные с экономическими отношениями. Культуре, тем более духовной, внимания уделялось мало. Из того немногого, что было написано о культурном взаимодействии, основная часть работ посвящена отдельным явлениям, именам, произведениям или же какому-либо достаточно непродолжительному периоду в истории культурных контактов наших народов.

Увы, из таких фрагментов общая картина процесса пока не складывается, да и сам вопрос о столь масштабном труде до сих пор, кажется, и не ставился.

Вместе с тем, уже сейчас, пользуясь имеющимися наработками, можно проследить в общих чертах, а иногда и более детально, историю подобного взаимодействия на протяжении многих столетий в одной из контактных зон немецкоязычного и восточнославянского миров, на пограничье Центральной и Восточной Европы - на Подляшской земле и, в частности, в знаменитом Супрасле.

Это становится возможным благодаря Международному исследовательскому проекту "Slavia Orthodoxa et Slavia Romana: Взаимодействие славянских миров: Духовная культура погра-

ничья Центральной и Восточной Европы", позволяющему на примере одного обширного региона (Подляшья) в достаточной полноте проследить почти тысячелетнюю историю взаимодействия западного и восточного христианских миров, раскрыть его сущность и механизмы, характерные для всей Центрально-Восточной Европы, создать уникальную источниковую базу - основу дальнейших теоретических исследований. При этом славяно-германским культурным контактам отводится свое особое место, они составляют отдельный проблемный блок проекта.

Первые письменные свидетельства о непосредственном контакте жителей Подляшской земли с немецкой культурой относятся к рубежу X и XI вв. Они касаются деятельности немецких католических миссий среди прусских племен. В XII - XIII вв. центральное Подляшье с древними побужскими городами, прежде всего Дрогичином, где по преданию легат папы Иннокентия короновал князя Даниила Романовича, становятся местами наиболее интенсивных контактов с немецкой культурой. Непродолжительное время в первой половине XIII в. Дрогичином и окрестными территориями владели немецкие рыцари. По р. Буг проходил один из важных торговых путей из Руси в Поморье, к Данцигу (Гданьску) и другим городам немецкоязычного средневекового мира. После образования Ганзы подобные связи еще более упрочились, в том числе со всеми ганзейскими городами по р. Висле, в которую впадает Буг. В этот период основными центрами взаимосвязей немецкой духовной культуры с восточнославянской становятся княжеские дворы, нередко связанные с аналогичными австрийскими и германскими различного рода союзами, от военных до родственных. Например, князь Роман Данилович был женат на Гертруде Бабенберг. Тогда же упрочиваются связи восточнославянских

князей с прусскими рыцарями, письменных свидетельств чему сохранилось немало. Некоторые же восточнославянские князья, прежде всего Болеслав -Юрий, могут считаться своеобразными германофилами своего времени, поддерживавшими интерес к немецкоязычному миру, в самом широком значении этого определения, включая и духовную культуру, в среде *Slavia Orthodoxa*. Он же начинает интенсивные действия по расселению немецких колонистов на своих землях. Документы рисуют Болеслава -Юрия как одного из первых восточнославянских деятелей, ставшего на путь активного сближения западного и восточного миров, за что в конце концов князь подвергся обвинениям со стороны своих подданных, убивших его в 1340 г. Западные хроники свидетельствуют о значительности масштабов подобного сближения в сфере духовной культуры и особой политике в этом князя Болеслава -Юрия, "приглашавшего к себе из разных стран католических священников и богословов, желая приобщить русских (*Ruthenorum*) к истинной вере". Одновременно с княжескими дворами каналами распространения немецкой духовной культуры становятся католические приходы и миссии.

Предреформация и Реформация стали своего рода новым этапом в истории рассматриваемых взаимосвязей. На этот раз в среде *Slavia Orthodoxa* появляются довольно многочисленные собственные носители западноевропейской духовной культуры, в том числе и немецкой, порой значительно обогащавшие ее достижения. К их числу принадлежит и знаменитый первопечатник и гуманист доктор Франциск Скорина из Полоцка, оказавший определенное влияние на многих деятелей европейской Реформации, в чем-то опередивший даже своего ровесника Мартина Лютера.

Франциск Скорина и его духовное наследие повлияли, в частности, на деятельность многих протестантов-лютеран и кальвинистов, связанных с пропагандой в среде восточных и южных славян. Подляшье и Супрасль не только оказались в сфере этих влияний, но и стали едва ли не главным форпостом на пути их проникновения в мир *Slavia Orthodoxa*. Супрасль же сохранил для нас и многие памятники духовной культуры, детально отражающие весь этот процесс. К числу самых уникальных из них принадлежат те, что рассматривают вопросы различных протестантских учений, прежде всего лютеранства. Можно говорить об особой школе супрасльских полемистов, писавших различные критические сочинения против "Люфторова учения". Тогда же Подляшье становится особо благоприятной территорией для распространения протестантизма, своеобразным заповедником Реформации, пустившей в восточнославянской среде глубокие корни, что позднее сказалось на некоторых обстоятельствах воплощения культурной политики Петра I в отношении сближения России с Западом и, в частности, с немецкой духовной культурой.

Особая роль в распространении немецкой духовной культуры на Подляшье принадлежит одному из богатейших семейств Европы - князьям Радзивиллам, многие из которых учились в различных немецких университетах и подолгу жили среди немцев, были породнены с известными немецкими фамилиями, окружены немецкими учителями, советниками и т.д. Примером может служить владелец многих имений на Подляшье, в том числе и в окрестностях Супрасля, князь Януш Радзивилл, который в бытность свою в Германии стал даже ректором академии в Лейпциге (1629 г.).

XVII в. и особенно век Просвещения делают контакты с немецкой духовной культурой почти обыденными в самых ши-

роких слоях восточнославянского мира как на Подляшье вообще, так и в Супрасльском монастыре, поддерживающем регулярные деловые связи с немецкоязычным миром, в частности Поморьем, нижнем Повисльем и Гданьском.

Последний, третий, раздел Польши приблизил или вернее сблизил границы Австрии, Пруссии и России, стык которых оказался на Подляшье, так что южная его часть отошла к Австрии, западная с Супраслем - к Пруссии, а восточная - к России. Все это определило новые условия для проникновения немецкой духовной культуры в восточнославянскую среду. В XIX в. к немногочисленным немецким семьям, жившим в Супрасле, присоединяется большой поток выходцев из Бранденбургии и Вост. Пруссии. В Супрасле, превращенном чуть ли не в промышленную столицу, развивающуюся под влиянием фабрикантов немецкого происхождения, прежде всего барона Фридерика Вильгельма Захерта, ставшего владельцем части монастырских имений и строений, возводится в 1885 г. евангелическо-лютеранская кирха. Главную православную святыню Супрасля, икону Супрасльской Богоматери, по словам архимандрита монастыря, и многие лютеране, приходящие поклониться ей как чудотворной(!), что свидетельствует о значительном сближении мировосприятия даже в области религиозной культуры, определенной адаптации культур в самой высшей их сфере.

Подводя краткий итог изложенному, необходимо упомянуть о трех основных этапах взаимодействия немецкоязычного и восточнославянского миров на Подляшье и в Супрасле, ориентируясь на широкие слои общества.

Во-первых, это период своего рода контркультурной реакции или контрреакции на проникновение немецкой культуры, длящийся вплоть до XVI в. Затем период адаптации к ее

проявлениям и восприятия ее достижений (XVI - XVIII вв.). Наконец, время параллельного взаимообогащаемого сосуществования культур на региональном уровне, завершающее этот многовековой процесс к началу XX в.

Левкиевская Е.Е. (Москва)

Славяно-германские мифологические параллели

В настоящем докладе будет рассмотрена одна славяно-германская мифологическая параллель, которая является вариантом общеевропейского мотива, известного еще в античности. Речь идет о выведении из куриного или петушиного яйца мифологического персонажа. В германской мифологии известен т.н. *basilisk*, перекочевавший туда из европейских средневековых книжных источников, почерпнувших, в свою очередь, у античных авторов легенду о змееподобном существе, убивающем своим взглядом все живое. Германские представления о василиске практически ничем не отличаются от аналогичных поверий в других европейских традициях. Этот персонаж выводится из яйца, снесенного пяти- или семилетним петухом, имеет облик полузмея-полупетуха с короной на голове, обитает в подвалах, погребах, где сторожит клады, и колодцах, где отравляет воду своим дыханием. Взгляд его смертелен для любого живого существа, кроме ласки, которая способна убить василиска. Человек может справиться с василиском только с помощью зеркала: демон погибает от собственного смертельного взгляда, отраженного в зеркале.

Параллельно с представлениями о василиске в германской мифологии известны поверья о домашних мифологиче-

ских персонажах типа *kobold'a*, которые также выводятся из петушиного яйца, но, в отличие от василиска, живут в доме, имеют хозяина, которому приносят богатство. Похожие персонажи известны и в других европейских традициях, в том числе балтийских (ср. лит. *aitvaras*).

В славянской мифологической традиции представления о василиске известны гораздо меньше - они носят исключительно книжный характер и заимствованы из западноевропейских средневековых бестиариев. С большой вероятностью можно утверждать, что в культуру западных славян, где этот персонаж преимущественно известен, особенно в польскую и лужицкую традиции, эти сведения проникли из германских источников.

При этом практически во всех славянских народных традициях существует представление о демоне-обогатителе - мифологическом персонаже, живущем в услужении у хозяина дома и приносящем ему богатство: молоко, зерно, деньги, которые этот персонаж ворует у других людей. Такой демон не имеет у славян общего названия и носит имена типа: *змея-деньгоносец* (рус.), *хованец* (укр.), *цмок* (бел.), *малић* (серб.), *мамниче* (болг.), *šetek* (словен.), *skřítek* (чеш.), *garášik* (словац.), *skrzatek* (пол.), *plon* (луж.) и др. Эти персонажи, так же, как германский *kobold*, выводятся из яйца, снесенного петухом или черной курицей. Важно подчеркнуть, что только в западославянской традиции (и территориально близких к ней западнобелорусской и западноукраинской) эти персонажи имеют статус домашнего демона. В остальной восточнославянской и южнославянской мифологиях такие существа не причисляются к разряду домашних персонажей. Эта разница статусов не имеет объяснения в трудах по славянской мифологии.

Мысль о типологическом сходстве василиска, чья "жизненная история" довольно хорошо прослежена в иссле-

дованиях, со славянскими и германскими духами-обогащителями неоднократно высказывалась в научной литературе (см. хотя бы работы Джорджевича и Гайека). Вопрос о генетическом родстве этих персонажей всегда оставался открытым. Действительно, при наличии у василиска и персонажей типа польского *skrzatka* несомненных общих черт (происхождение из куриного или петушьего яйца и соотнесенность с богатством), у них гораздо больше различий: во-первых, демона-обогащителя специально высиживает человек, желающий его приобрести, он же становится хозяином персонажа. Василиска никто не высиживает, он сам вылупляется из петушьего яйца и никакого хозяина не имеет. Во-вторых, основная функция демона-обогащителя - выполнять волю своего хозяина, приносить ему в дом богатство, украденное у других людей. Василиск никому богатство не приносит, он является его пассивным охранником. В третьих, дух-обогащитель связан с мотивом постоянных перелетов из мест, где он ворует богатство, в дом своего хозяина. Василиск никогда никуда не летает, а постоянно находится в одном локусе. Наконец, у василиска есть черта, которая отсутствует у демона-обогащителя - разрушительный взгляд и ядовитое дыхание. Но главное отличие - их статус внутри культуры - поверья о василиске принадлежат, в основном, книжной культуре и слабо укоренились в устной традиции. Поверья о духе-обогащителе - целиком принадлежат народному сознанию.

Возникает вопрос: что собой представляют соответствующие славянские поверья, насколько самостоятельный характер они носят и не являются ли они заимствованием из западно-европейской, в частности, германской мифологии? Что касается западных славян, то такое заимствование, хотя бы на уровне мифологической лексики, бесспорно. Ср. лексемы типа: пол. *kobold*, чеш. *kobold*, чеш. *skřítek*, *škrjatek*, словац. *škrat*, являющиеся прямыми заимствованиями из не-

самого образа, который, подчеркнем, известен на всей славянской территории, в том числе в восточных и южных славянских традициях, где германское влияние предположить трудно.

Также трудно усмотреть простое типологическое сходство в мотиве выщипывания мифологического персонажа из яйца. На наш взгляд, гораздо продуктивнее говорить о генетическом родстве не персонажей в целом, а отдельных мотивов. Мы исходим из тезиса, что мифологический персонаж представляет собой “пучок” релевантных признаков, объединенных именем. При этом одни признаки, образующие персонаж, с течением времени могут редуцироваться и отмирать, другие - возникать и присоединяться к “пучку”, отрываясь от поверий о других персонажах. С этой точки зрения “единицей измерения” мифологии является не мифологический персонаж, а мифологический мотив, который за века своего существования может “приклеиваться” к разным персонажам.

На этом основании можно выдвинуть осторожное предположение, что мотив выведения из яйца мифологического существа является общеевропейским мотивом, возникшим, по крайней мере, в позднюю праиндоевропейскую эпоху. В этом случае и славянская и германская мифологии являются равными наследницами этого мифологического мотива. В дальнейшем его судьба раздваивается. С одной стороны, в средневековой западноевропейской традиции он оказывается связанным с заимствованным из античности образом василиска, чья “судьба” приобретает постепенно исключительно книжный характер. В дальнейшем именно германская культура послужила проводником европейских бестиариев (а с ними и представлений о василиске) на славянскую почву.

С другой стороны, в народной культуре, как славянской, так и германской, этот мотив связывается с поверьями о демоне, приносящем богатство. Известность поверий об

этом персонаже во всех славянских традициях говорит о том, что его образ является для славянской культуры автохтонным. Но только в западнославянской традиции, непосредственно контактировавшей с германской мифологией, подобный демон имеет статус домашнего персонажа. Мы можем предположить, что и в этом случае осуществлялось влияние германской традиции на славянскую, но здесь западные славяне заимствовали не мифологический образ, поскольку он у них имелся аналогичный собственный, а его статус домашнего демона, который, как мы сказали, отсутствовал в других славянских ареалах, не имевших прямых контактов с германской традицией.

Если наша гипотеза верна, то перед нами любопытный культурный “кульбит”: генетически общий и для славян и для германцев мифологический мотив, вначале самостоятельно и раздельно усвоенный этими традициями, впоследствии дважды заимствуется славянской культурой из германской - в одном случае как фрагмент средневековой европейской книжности, в другом - как элемент организации германской мифологической системы.

**Польско-немецкие культурно-литературные отношения
от Средневековья до романтизма.
(История - типология - связи)**

Польско-немецкие литературные отношения проявляются уже в начальной стадии существования письменности на польских землях, выступая, однако, не в качестве межнациональных, а как производное универсальной - наднациональной христианской культуры *Rex Latina*. Начиная с X в., немецкие священнослужители (наряду с чешскими, французскими и итальянскими) привозили с собой книги богослужебные, юридические, учебные. Обосновываясь на новых местах, они создавали скриптории и продолжали вести погодные записи (*annales*). Древнейшие польские памятники этого жанра - продолженные в здешних миссионерских общинах, монастырях и епископствах преимущественно франко-германские анналы.

Благодаря немецкому посредничеству на протяжении второй половины X-XII вв. в Польше была создана общая для латинского мира почва просвещенности и местного творчества. Это предопределило типологическую близость, обуславливавшую саму возможность связей средневековой польской письменности с литературами католичества, тогда как именно типологические различия с соседней письменностью Древней Руси препятствовали литературному взаимодействию ввиду отсутствия самого общего философско-эстетического поля встречи^{*}.

^{*} Речь идет о латиноязычной письменности. Отзвуки довольно длительной кирилло-мефодиевской традиции существовали на польских землях как бы параллельно. См.: Липатов А.В. Кирилло-мефодиевская традиция, истоки

"Немецкий фактор" культуры усиливал фактор собственно литературный в процессе интенсификации межэтнического общения со второй половины XIII в., когда в Польше после татарских нашествий начинается заселение опустевших городов и закладка новых выходцами из Германии и Фландрии. С этого времени "внешняя" по отношению к польской немецкая культура воспринимается здесь через "внутреннюю" для Польши ее часть. Эта немецкая культура в польских городах играла роль призмы, сквозь которую виделся полякам весь обширный германский мир. Она играла и роль канала, "напрямую" соединяющего страну с германской наукой, экономией, искусством, ремеслами, а во времена Реформации - с новым мировидением. Университет в Кракове, а позднее в Кенигсберге изначально были также и крупнейшими центрами польско-немецкого сотрудничества и общения.

Способствуя развитию книгопечатания в Польше времен Возрождения, немцы сыграли видную роль в появлении и распространении польскоязычных книг, а также - наряду с польским лютеранством - развитию польского литературного языка и самой польской литературы. В свою очередь, поистине грандиозный опыт поляков, создавших в достаточно короткий срок на родном языке литературу европейского уровня, привлек в следующем столетии внимание основоположника новой немецкой литературы М.Опица, а также В.Шерффера фон Шерффенштейна, Ф. фон Логау, К.Кальденбаха и других поэтов немецкого барокко.

В XVIII в. идущие из Саксонии веяния рококо, музыкального, оперного и драматического искусства, раннепросве-

польской литературы и проблемы славянской взаимности (о взаимодействии латинского Запада и византийского Востока//Известия АН. Сер. лит. и яз. Т. 54. № 6. 1995 г.

тительской философии (Х.Вольф и др.) усиливаются во времена правления избираемых на польский престол курфюрстов Августа II и Августа III.

На протяжении эпохи польского Просвещения (30-е гг. XVIII - 20-е гг. XIX вв.) здесь проявляется внимание прежде всего к Х.Ф.Геллерту, И.Х.Готтшеду, Ф.Г.Клопштоку, С.Гесснеру, А.Ф.Котцебу, а позднее - И.В.Гете, Х.М.Виланду, Х.Э.Клейсту и др.

Зарождение (с 80-х гг. XVIII в.) предромантических, а со второго десятилетия XIX в. и романтических веяний в Польше было связано как с воздействиями английскими, так и немецкими (Гердер, современная философия и эстетика, а прежде всего - Август Вильгельм и Фридрих Шлегели, "Вертер" Гете). Это, как, впрочем, и целый ряд других фактов, свидетельствует о том, что ликвидация польской государственности (1795 г.) не воздействовала отрицательно на традиционные контакты поляков с немцами в литературе и культуре. Политические же антипатии были связаны с Австрией и особенно Пруссией, а не с германским миром вообще. Ситуация начнет радикально меняться со времени объединения Германии, польской политики Бисмарка и "Kulturkampf"а. Именно это, наряду с последующими событиями наложит отпечаток на отношение поляков к немцам и предопределит последующую реинтерпретацию польско-немецкого прошлого.

"Немецкая" периодика XVI-XVII вв. Взгляд на Россию

Данная работа является специальным исследованием целого пласта позднесредневековой немецкой публицистики, освещающей события в России XVI-XVII вв., начиная с традиционного описания путешествий и дипломатических поездок и кончая периодической газетной прессой. Я ставил перед собой цель обнаружить центры печатания наиболее распространенных изданий немецкой газетной периодики, очаги поступления информации, шедшей из России в Германию, выявить историческую информативность данных источников, проследить их эволюцию на протяжении более чем двух столетий.

В исследовании предпринимается попытка на основе изучения немецкой газетной периодики XVI-XVII вв. взглянуть на Россию глазами западного читателя в переходный период от средневековья к Новому времени.

Позднесредневековая публицистическая периодика как исторический источник по истории России XVI-XVII вв. очень мало известна российским историкам. Возможно, это связано со значительными трудностями, с которыми сталкиваются исследователи при изучении этого вида источников, в частности, сложностью перевода средневекового готического печатного немецкого текста, разбросанностью материала по различным архивам и библиотекам Германии и так далее. Важное значение при массовом изучении источников имеет выборка материала, так как только каждый 8 - 10 экземпляр содержит частичную информацию о России XVI-XVII вв.

Существует ряд работ, близких к данной проблематике. Заслуживает внимания статья А.Л.Гольдберга "Известия о России в западноевропейских периодических изданиях XVI-XVII вв.", в которой дается короткий обзор немецких периодических изданий, выпускавшихся во Франкфурте-на-Майне и Ляйпциге в промежутках между крупными ярмарками. Автор так и называет их ярмарочными известиями. В работе А.Л.Гольдберга, А.Г.Манькова и С.Я.Марлинского "Известия о восстании С.Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках" проводится выборка и анализ западноевропейской периодики, освещавшей ход восстания Степана Разина. Авторы данных статей делают попытку использовать этот вид источников, анализируют его информативность и степень достоверности, что является большим вкладом в изучение как отдельных событий истории России XVI-XVII вв., так и в исследование западноевропейской газетной периодики в целом. Хронологически эти статьи не охватывают всего периода моего исследования, тематически они более узки, информативные возможности источника не используются в полной мере в силу специфических задач, поставленных авторами.

В западной историографии этот источник исследован более полно, прежде всего в контексте политической истории и культуры народов Европы. Из работ, посвященных изучению России в немецкой периодической печати XVI-XVII вв., необходимо выделить следующих авторов: Martin Welke. *Deutsche Zeitungsberichte über den Moskauer Staat im 17 Jahrhundert*, Martin Welke. *Russland in der deutschen Publizistik des 17 Jahrhunderts (1616 bis 1689)*, Andreas Kappeler. *Die letzten Opricnin ajahre (1563-1571) im Lichte dreier zeitgenössischen Broschuren*, Inge Auerbach. *Russland in deutschen Zeitungen (16 Jahrhundert)*.

Эти работы представляют значительный интерес для изучения России и русских XVI-XVII вв., т. к. авторам удалось собрать значительный материал и исследовать отдельные события русской истории, освещенные в немецкой прессе. Общим недостатком является отрывочность, часто неполная достоверность и субъективность используемых источников, а также отсутствие сравнительного анализа с русскими источниками по истории России XVI-XVII вв. Из положительных моментов необходимо отметить, что вводимый в научный оборот тип источников помогает нам дополнить на первый взгляд незначительными, но очень существенными деталями и подробностями многие важные события по истории России XVI-XVI вв.

Для обозначения исторически закономерного сближения России с наиболее развитыми государствами Европейского континента в научную терминологию прочно вошло слово "европеизация". Несмотря на этнические и языковые различия народов России и Западной Европы, постепенно набирали силу процессы интенсивного обмена информацией в политической, культурной и хозяйственной областях. После монголо-татарского нашествия период частичной изоляции сменяется все возрастающим процессом политической, культурной и технологической интеграции, который достигает своего апогея во время реформ Петра I.

Историческая наука убедительно доказала, что модернизация допетровской Руси шла через постоянные контакты с Западом, как в политической, так и в научно-технических областях. Преодоление глубокой изоляции и обмен знаниями и специалистами выявил новые возможности для "прорыва в Европу". Россия и Запад нуждались в информации друг о друге, которая должна была дать представление о политическом строе государств, национальном характере народов и взаимных по-

требностях, которые могли способствовать увеличению культурного и торгового обмена.

Западная Европа очень мало знала о России XVI-XVII вв. "Московию" представляли как огромную далекую северную страну, населенную варварами, которую можно было держать в повиновении только тираническим правлением. Германии, точнее Габсбургской империи необходимы были подробные сведения о своем северном соседе, который оказывал огромное влияние на судьбу Европы. Московия могла стать как политическим союзником, так и крупным торговым партнером.

Первыми официальными источниками информации о России этого периода стали сообщения европейских дипломатов и торговых людей, составивших подробные описания своих путешествий. Эти работы до сих пор используются исследователями в качестве первоисточников и содержат подробные описания нравов и обычаев русского народа, а также политических событий, происходивших в Московском государстве. До нас дошли только важнейшие труды. Это работы Сигизмунда Герберштейна, Адама Олеария, Августина фон Мейерберга, Адольфа Лизека, Александра Гваньини, Пауля Одерборна, Антонио Поссевино и многие другие.

В Германии этот вид публицистики вошел в историю под названием "Райзелитератур" или "Райзебешрайбунг", т.е. дорожная литература или описание поездок. Эта литература составлялась в основном дипломатами для нужд государственно-административного аппарата германского кайзера и имела в период своего создания в основном профессионального читателя. В это время в немецкой публицистике вышло около 35 изданий, содержащих информацию о России.

В течение XVII в. возможности появления новых работ значительно сокращаются. Если расставить в хронологическом

порядке западную литературу, содержащую информацию о России XVII в., то можно наблюдать следующую картину. Практически, между 1620 и 1668 годами, почти столетия в Европе не было крупных работ о России первых Романовых, кроме сочинения Олеария, которое было вскоре переведено на французский, английский, голландский и итальянский языки. Это можно связать с событиями смутного времени и гражданской войны, которые делали поездки западных дипломатов в Россию небезопасными и на какой-то период сильно ограниченными. Автор исследования о ранней английской литературе о Руси М.С.Андерсон утверждал, что с XVI по XVII век число очевидцев, описывавших Московское государство, сильно сократилось. Отсутствие крупных публикаций, возможно, также связано с периодическим ослаблением дипломатических контактов между Россией и Германской империей.

Перерыв в русско-германских отношениях XVII в. прослеживается также в официальных источниках Московского государства. Посольские книги из фондов Российского государственного архива древних актов, содержащие значительную информацию о связях России с Германской империей, имеют большие пробелы. Они начинаются с 1488 г. и продолжаются по 1599 г., заканчиваясь грамотами императора Рудольфа II и эцгерцога австрийского Максимилиана к царю Борису Годунову и его сыну и статейным списком посланника А.И.Власьева к императору и эцгерцогу австрийскому. Затем следует перерыв больше чем на столетия до 1654 г., до отправления посольства И.И.Баклановского и дьяка И.Михайлова к цесарю Фердинанду III. Насущная потребность в свежей информации вызвала появление нового вида источников в немецкой периодической печати, которые являлись прообразом современных газет. Тра-

диции немецкой периодической печати, зародившиеся в XVI в., не утратили своего значения и в XVII в.

Информация о России, необходимая прежде всего для государственных органов, шла во второй половине XVII в. через так называемые "новые газеты", которые в первое столетие своего существования пережили определенную эволюцию, став в конечном итоге постоянным источником сведений. О популярности этого вида печатных изданий говорит тот факт, что в Германии в конце XVII в. число немецкоязычных газет вдвое превышало все европейские информационные издания этого типа вместе взятые.

В газетах освещались вопросы религии и культуры Московского государства, политика и хозяйственные вопросы, законы и функционирование государственных органов, войны и восстания, а также многочисленные подробности из жизни царской семьи.

Наиболее известными газетами этого периода являлись "Ordentliche Wochentliche Zeitung" (Еженедельная ordinaria газета), "Wochentliche Ordinari-Post Zeitung" (Обычная еженедельная почтовая газета), "Extraordinari-Post-Zeitungen" (Чрезвычайная почтовая газета), "Europäische Sambstätige Zeitung" (Европейская субботняя газета), "Nordischer Mercurius" (Северный Меркурий), "Teutscher Kriegs Curier" (Немецкий военный курьер) и другие. Газеты регулярно печатались в крупнейших городах Европы: Франкфурте-на-Майне, Ляйпциге, Констанце, Ганновере, Гамбурге, Нюрнберге, Копенгагене. Корреспонденции шли из городов: Москвы, Новгорода, Пскова, Штеттина, Риги, Констанца, Стокгольма, Пройсена, Данцига, Варшавы, Кенигсберга, Бенедикта, Рима и многих других. Некоторые западные корреспонденты постоянно жили в русских городах, снабжая достоверной информацией европейские издательства.

В большинстве случаев имена корреспондентов не известны. В газетных номерах указывался лишь год издания (также число и месяц), город, где печаталась газета (иногда указывалась фамилия издателя), и город, из которого была направлена информация. По этим данным можно определить, в течение какого периода и из каких городов шли корреспонденции, освещавшие те или иные политические события.

Прообразы современных газет заняли прочное место в немецкой публицистике XVII в. По данным немецкого исследователя Мартина Вельке между 1660 и 1700 годами в Германии выходило около 50 - 60 газетных изданий одновременно, которые пользовались огромной популярностью у рядового читателя. Средний тираж каждой газеты составляет приблизительно 350-450 экземпляров, причем за последнюю четверть XVII в. немецкие типографии выпустили около 25 тысяч печатных информационных изданий. Такое количество периодической литературы впечатляет даже современного читателя. Необходимо принять во внимание, что в XVII в. один газетный экземпляр прочитывало гораздо большее количество читателей, чем в настоящее время. Он печатался на плотной бумаге в форме небольшой книжки, что делало его удобным для массового чтения. Газеты, как правило, выписывались не только отдельными читателями, но также различными обществами, где читались целыми коллективами.

Огромный интерес западная пресса проявляла непосредственно к личности царя Алексея Михайловича.

Газеты внимательно следили за ходом реформ, проводимых царем. Они считали, что успехи его внутренней и внешнеполитической деятельности были достигнуты только за счет применения в управлении "неограниченной власти" государя. Немецкая пресса с большой симпатией относилась к личности

Алексея Михайловича. Он был первым из царей Романовых, которого положительно охарактеризовала западная пресса. Если Иван Грозный в немецких газетах определялся как восточный тиран, отличавшийся личной жестокостью, то отношение к Алексею Михайловичу совершенно иное. Он представляется более цивилизованным, более респектабельным и гуманным правителем, олицетворяя в ежедневной прессе все возрастающее значение России в альянсе европейских государств. В глазах немецкой общественности Алексей Михайлович видится скорее политиком европейского масштаба, чем монархом, осуществлявшим свое правление методами восточной деспотии. Положительная характеристика, которую он приобрел в немецкой прессе, значительно уменьшила психологическую дистанцию между русским самодержавием и западноевропейским абсолютизмом. У читателей газет складывалось впечатление, что Алексей Михайлович правил "крепко" и лично принимал все важнейшие политические решения. Однако при этом он не был "тираном".

С вступлением России в начале 60-х гг. XVII в. в европейскую почтовую систему, количество текущих корреспонденций из русской столицы резко увеличивается. Газеты часто возбуждали интерес читателей описанием бытовых подробностей из жизни царской семьи, уделяя особое внимание благочестивому образу мыслей Алексея Михайловича. В связи с многочисленными газетными сообщениями о паломничестве царя по святым местам и посещении им многих известных монастырей, где он участвовал в торжественных богослужениях, распространились слухи, что Алексей Михайлович после смерти своей супруги отошел от радостей мирской жизни и "впал в жизнь духовную". Для иностранных корреспондентов набожность московских царей выражалась не столько в обязательном

участи их в многочисленных и длительных религиозных богослужениях, сколько в проявлении гуманности и сочувствия к горестям простого народа. Позднесредневековая газета доносит до нас духовное состояние царской четы, находящейся в смятении после большого московского пожара, унесшего многие жизни и причинившего огромные страдания населению.

Христианский образ царя Алексея Михайловича, представленный западному читателю, значительно смягчал впечатление о кровавых восстаниях, происходивших в России. Сведения, сообщавшиеся о патриархальном образе жизни Алексея Михайловича, значительно отличались от поведения западных монархов, однако сильно способствовали росту его международного авторитета.

После смерти царя Алексея Михайловича многие западные газеты опубликовали некролог, где с большим почтением писали о христианских добродетелях "этого несравненного, почтенного монарха, стоящего во главе русского государства".

Адам Олеарий, а также другие авторы, писавшие о Московии, впервые попытались дать представление о национальном характере русских и понять механизм государственного устройства Московского царства, что в совокупности могло дать возможность прогнозирования многих социальных потрясений, в том числе частых городских восстаний. Периодическая немецкая публицистика дополняла эти характеристики, особенно после описания "мятежей и возмущений", которые произошли в Москве в 1648 г. Читатели, получавшие свою информацию о Московском государстве из газет в период правления Алексея Михайловича, были информированы только об одном свойстве русских: они тяжело угнетались своими господами и имели склонность к "восстаниям и мятежам".

Изучение немецких публикаций о России позволило по новому взглянуть на многие аспекты развития Российской империи. Взгляд "извне", не всегда лицеприятный, но холодный и расчетливый, дает возможность лучше понять самих себя, свою отечественную историю, историю отношений России с европейскими странами. Иностранные корреспонденты в силу вполне понятных причин освещали те исторические факты и подробности, которые были наиболее интересны западному читателю и которые не всегда находили отражение в русских официальных источниках. История России предстает перед нами как ее видел западноевропейский читатель. Западная пресса, освещая внутренние и внешние политические события, активно влияла на формирование мировоззрения позднесредневекового читателя, закладывая фундамент будущих международных отношений. Анализ внешнеполитических ситуаций, подготовленный корреспондентами из многих мест, во многом предопределял действия политиков и часто влиял на принятие правительственных решений.

Изучая немецкие публикации о Московии XVI-XVII вв., можно проследить процесс формирования общих закономерностей и особенностей исторической эпохи. За короткими сообщениями периодической публицистики прослеживается тенденция перехода Московского государства от тяжелых форм феодального строя к развитому абсолютизму, значительно ускоренная начавшимся процессом европеизации.

Значительный интерес представляет сопоставление фактов и событий, освещенных немецкой периодической печатью, с отечественными источниками по истории России XVI-XVII вв. с целью проведения сравнительного анализа и выявления степени их исторической достоверности.

Влияние лютеранства на культуру Западной и Карпатской Украины в XVI в.

Одна из наиболее ярких страниц в истории немецко-украинских отношений связана с Реформацией, которая оказала достаточно глубокое влияние на духовную жизнь народов Польско-Литовского государства.

Известно, что уже с XIII в. украинские земли, особенно Саноччина, Холмщина, позднее Волынь и Галиция, поддерживали политические, экономические, торговые связи с немецкими княжествами. Польский король Казимир поощрял немецкую колонизацию Западной Украины. Откровенно пронемецкую политику во второй половине XVI в. проводил наместник Галиции Владислав Опольский. Не удивительно, что лютеранство становится наиболее ранней протестантской конфессией в Зап. Украине, которая появляется здесь уже в 40-50-е гг., а отдельные произведения М.Лютера и Ф.Меланхтона - еще раньше. Аугсбургское исповедание в украинских землях имело четко выраженный национальный характер, что определило его социальный состав (купцы, мещане, ремесленники), лишив поддержки магнатско-шляхетского сословия (среди патронов конфессии нет ни одного украинского шляхетского рода), а также очаги (это не традиционное подворье патрона-магната, а город или местечко с немецким поселением) и регион распространения (исключительно Зап. Украина, частично - Закарпатье). В отличие от кальвинизма и антитринитаризма, отрицавших цезаропапизм и монархию, ориентированных на адаптацию к местным традициям, имевших некоторое сходство во внутрицер-

ковной структуре и проповеднической практике с православным приходом, лютеранство было объективно "выведено" из политической жизни, а в межконфессиональной борьбе накануне Берестейского собора заняло маргинальную позицию.

Отмеченное объясняет, с одной стороны, весьма скромные церковные ресурсы лютеранства на Украине в сравнении с Коронной Польшей. Реестры нововерческих сборов, содержащиеся в хрониках А. Венгерского, С. Любенецкого, в работах Хр. Санда, И. Лукашевича, Г. Мерчинга, И. Соколова, М. Грушевского, а также ряде архивных документов, свидетельствуют: во второй половине XVI ст. в западноукраинских этнических землях существовало около двух десятков лютеранских приходов (наибольшие - в Венгрове, Мордах, Заблудове, Туробине, Щебрешине, Ямно, Бересте, Нурце, Найдорфе, Язловце, Ланцуте, Львове; на территории Карпатской Руси с украинским населением - в Рознаве, Левочках, Любеце, Топорце, Шарош-Потоке Земплянской жупы, в Пряшеве, Копице, Уйгеле). С другой стороны, деятельность лютеранской церкви фокусируется, преимущественно, в культурно-просветительской сфере, оказывая опосредствованное влияние на местное население. Немаловажное значение при этом играл факт массового выезда в Европу молодежи для получения образования. Особую славу имели лютеранские университеты в Виттенберге, Лейпциге, Кролевце. С. Ориховский-Роксолан, обучаясь в Виттенберге, жил в доме Лютера и близко сошелся с Меланхтоном, что повлияло на его реформационные взгляды. Приятель Роксолана, плебан из Судовой Вишни, М. Кровицкий полностью порывает на синоде в Перемышле в 1550 г. с церковью и поначалу проповедует лютеранское учение. Пребывая в Виттенберге (1553-1554 гг.), он под руководством Меланхтона пишет полемическое сочинение "Христианские а жалобливые напоминания",

которое, как и сам факт перехода плембана в нововерство, оказали, по мнению М.Грушевского, сильное воздействие на И.Вишенского, юного свидетеля этих событий.

С переводом лютеранской литературы на польский язык (а им владело население Зап. Украины) культурная деятельность конфессии активизируется. В XVI в. ее репрезентантами становятся Е.Гличнер, Ян из Козминок, издатели И.Виетор, Ф.Винклер, произведения которых "широко известны в Польше, Руси, Мазовии, Литве" (Wisniewski M. *Historya literatury polskiej*. Krakow, 1840. Т. 6. S. 552). Особенно популярным было имя Я.Секлюциана (по одним данным, родился в Быдгоще, по другим - в галицийских Секлюках), автора, переводчика, издателя ранних памятников польскоязычной лютеранской литературы: "Малого катехизиса" М.Лютера, трактата "Христианская наука", библейских комментариев, сборников молитв и канционалов, а также перевода Нового Завета и учебника польской орфографии (их автор - ученый из Кролевца, сын Ивана из Сужиц, что в "земле Добрянской", С.Моржиновский), "Постиллу польскую домашнюю" (автор - Г.Оршак, ректор школы в Пинчове, затем в Дубецко). Открытым остается вопрос об авторстве изданного Секлюцианом поэтического диалога польского ксендза с русином-священником. Написанный в откровенно лютеранском духе, диалог, однако, рассчитан на украинского читателя, демонстрируя авторские симпатии на стороне православного, а не католического диспутанта. Подобная ориентация отражает особенность протестантского движения на Украине, которое в противоборстве с католицизмом искало союзников в православной среде. Не менее интересны в связи с этим переписка князя Януша I Заполье с Афоном через писаря Лацко и некоторые учительные Евангелия (особенно - Ладоми-

ровое и Скотарское), свидетельствующие о влиянии лютеранства на православных Карпатской Руси.

Макарова И. Ф. (Москва)

Болгары и Болгария глазами немецких путешественников XV-XVI вв.

В докладе рассматриваются материалы, содержащиеся в многочисленных путевых записках и мемуарах немецких путешественников и касающиеся положения населения болгарских земель в XV-XVI вв. Среди авторов - представители самых различных социальных слоев: сотрудники дипломатических миссий, представители и эмиссары протестантского духовенства, коммерсанты, военные, авантюристы и т. д. Соответственно уровень и тематическая направленность текстов также различны. Однако всех их объединяет большое внимание к жизни и быту христианских подданных султана и исключительная педантичность в изложении собранных сведений. Одним из следствий такого подхода является большая информативность текстов, в том числе и относительно положения дел в болгарских землях, хотя, безусловно, специально подобная задача не ставилась.

Центральное место в описаниях занимают наблюдения, связанные с конфессиональным делением общества: дискриминационное положение немусульманских слоев населения, узаконенная система конфессионально-юридической автономии христиан, структура религиозно-территориальных общин и т.д.

Отмечается тенденция к скрытой исламизации бытовой культуры местных христиан.

Отличительной особенностью данных текстов можно назвать не совсем обычный интерес к этнографии. Авторы не только скрупулезно фиксируют национальный состав встречающихся на пути населенных пунктов, но и пытаются определить официально не существующие этнические границы в регионе. Параллельно приводятся красочные описания костюмов, обычаев, обрядности, праздников и т.д. Особенно это касается так называемых контактных зон (Фракия, Македония, район р. Нишавы), где на границе соприкосновения этнических массивов различия были особенно заметны. При этом необходимо подчеркнуть, что из всех иностранцев, посещавших Балканы в эту эпоху, пожалуй именно немцы были наименее склонны нивелировать этно-культурные различия в среде христиан Османской империи.

Что касается непосредственно восприятия путешественниками Болгарии и болгар, то по своему характеру оно было предельно объективным и беспристрастным. Поэтому, с одной стороны, отмечается экономическая и культурная деградация, характерная, впрочем, для всего региона в целом. С другой, не получает подтверждения известный тезис об особо тяжелом положении, в котором именно болгары якобы оказались после утверждения османов на Балканах. Скорее наоборот. Данные наблюдений свидетельствуют, что болгарские земли оказываются одними из тех, где позитивные последствия наступившей политической стабилизации, а следовательно и рост благосостояния народа становятся наиболее заметными уже с начала XVI в.

Особенности национального состава пушкарей в украинских замках XV-середины XVII ст.

Пушкари (так называют их письменные источники) как наемные специалисты по изготовлению и обслуживанию огнестрельного оружия появились в украинских королевских замках в XV ст.

Исследование вопроса о национальном составе отряда наемных пушкарей дает нам возможность проследить степень использования германских военных специалистов на украинских землях и уровень их влияния на формирование местной артиллерийской школы.

Среди более 80 известных фамилий пушкарей, которые служили в украинских государственных замках с XV до середины XVII ст., 70 % - это специалисты западного происхождения, главным образом, поляки, чехи, немцы. Все они имели практически равные условия службы, одинаковый круг обязанностей и уровень оплаты. Но в источниках отмечается больший процент немецких пушкарей по сравнению со специалистами других национальностей. Особенно это заметно относительно XV – первой половины XVII ст.

Еще в начале XV в. во Львове известен Лаврентий Гелленбазен, который изготовил первую местную модель пушки и отлил ее. В Каменце на Подолье весь пушкарский цех состоял из немцев. Под 1488 г. мы встречаем немецкого пушкаря Улириха Цимормана на службе в Черкасском замке.

К середине XVI ст. почти в каждом крупном украинском королевском замке среди пушкарей встречаются наемники из

германских земель: Конрад Фрейлих (Львов), "пушкарь Якимъ" (Мозырь), "Томась Козель" (Черкассы), "Симонъ немец з Кролевьца" (Канев), "Ганусъ" (Кременец.), "Каспоръ з Флякунова" (Винница), Павел (Киев), Жигимонт из Пруссии (Житомир) и др.

Многие из наемных специалистов-пушкарей изменяли свой гражданский статус, женились, переходили в местное мещанское сословие и оседали навсегда в тех городах, куда были завербованы на службу.

Начиная со второй половины XVI ст. в украинских замках чаще появляются пушкاري местного происхождения, но доля немцев остается все же большой.

В первой половине XVII ст. специалисты в области артиллерии немецкого происхождения занимали в Речи Посполитой высокие военные посты. Генерал артиллерии инженер Теофил Шомберг проектировал и руководил постройкой Нового замка бастионной системы в Каменце (1617 г.), Цейхмистр коронной артиллерии, инженер Фридерик Гекант руководил сооружением новых укреплений Львова и строил замок Кодак на Днестре (1639 г.). Король Владислав IV особенно ценил его как военного специалиста. Кроме того известны: Ганс Якуб Лок - инженер-артиллерист в Кодаке (1647 г.), Себастиан Адерс - капитан коронной артиллерии в Баре (1646 г.), Криштоф Эрхард - начальник арсенала в Каменце (середина XVII ст.), Ганс Шварц - пушкарь в Каменце (1647 г.) и др.

Приведенный список свидетельствует о популярности немецкой артиллерийско-инженерной школы в Речи Посполитой, особенно в ее пограничных украинских воеводствах, где существовала постоянная угроза войны со стороны Московского государства, Османской империи и Крымского ханства.

Это положение подтверждает также список наемных пушкарей коронной артиллерии (в 8 ее арсеналах, 4 из которых

находились на украинских землях: Львов, Каменец, Бар, Кодак), составленный на сейм 1647 г. Среди 106 фамилий большинство - немецкие.

Широкое проникновение немецких специалистов-пушкарей в Речь Посполитую можно объяснить отчасти тем, что германские замки служили определенным связующим звеном в области передовых достижений военной мысли между Западной и Восточной Европой в средние века и раннее Новое время.

Машкин А.Н. (Киев)

Сочинение Г.К.Котошихина

"О России в царствование Алексея Михайловича"

**как источник по истории немецкого предпринимательства
в Московском государстве**

Позднее Средневековье и раннее Новое время с полным правом можно назвать периодом все более тесного знакомства России и Западной Европы, которое иногда велось военными методами, однако гораздо чаще - все же путем экономического взаимопроникновения. При этом заметную роль в последнем играли выходцы из Германии, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в сознании русского человека того времени образ иностранца вообще достаточно долго ассоциировался именно с немцем. Впрочем, разобраться в этом до конца историки смогут, как нам кажется, прежде всего привлекая такой пласт источников, как записки современников тех событий, частью которого и является как раз работа Г.К.Котошихина.

Биографические сведения об этом человеке весьма скудны. Родился он предположительно в 1630 г. в семье среднего достатка, был женат. В 1645 г. поступает на службу в Посольский приказ писцом, в 1656-1658 гг. с дипломатической миссией посещает Ригу, Ревель, Дерпт. В июне 1661 г., в чине подъячего, присутствует при заключении Кардисского мира между Россией и Швецией. В 1664 г. его направляют на переговоры с поляками в Смоленск. Оказавшись здесь в центре интриги воевод Черкасского, Прозоровского и Долгорукого, Котошихин в конце лета того же года покидает Россию и, после долгих мытарств, оседает в Стокгольме. А через 3 года в начале ноября 1667 г., за "...пьяное смертоубийство", он, по приговору городского суда, был казнен.

Свой труд Котошихин составлял в 1666-1667 гг., на деньги и по поручению шведского правительства, пожелавшего получить сведения о восточном соседе - противнике непосредственно из уст бывшего московского дипломата. Впоследствии с авторского подлинника (не имевшего, кстати сказать, никакого названия) было сделано несколько копий, осевших в Стокгольмском госархиве, Упсальской библиотеке, в ряде частных коллекций. Для России работа эта была вновь открыта стараниями профессора Соловьева в 1837 г. и до февраля 1917г. выдержала целый ряд изданий, важнейшими из которых являются Санкт-петербургские 1840, 1859 и 1884 гг.

Излагаемый в ней огромный фактографический материал автор разбил на 13 сюжетов (глав), от общих сведений о правителях Московских, послах, посланниках, купцах и до описания торговли царской, жизни бояр и "...иных чинов людей". Уже исследователи XIX ст. отмечали значимость для науки этого труда и его достоверность. Ряд ученых (А.И.Маркевич и др.) рассматривали его как исторический источник, но до сих

пор практически никто не отслеживал ту информацию, которая отложилась в нем именно об экономической деятельности немцев на Руси.

Первый раз о ней Котошихин упоминает в главе VI, в том месте, где речь идет о государевом Кормовом дворце. Из известия этого видно, что уже тогда немцы не только привозили в Россию "съестные припасы" через Архангельск, но и торговали ими внутри страны, в той же Москве, становясь зачастую даже поставщиками казны.

В сюжете о Пушкарском приказе автор говорит о немцах уже как об оружейниках, бравших заказы на изготовление пушек, отливавших их у себя на родине и доставлявших на Русь через тот же Архангельск. При этом Котошихин особо выделяет выходцев из Любека и Гамбурга (с.84).

Общее количество иностранцев (немцев) в Москве в его время Котошихин определяет одним словом - "много". При этом он особо упоминает их законопослушность (в частности, среди участников столичного "медного бунта" "...не сыскано их в том деле ни единого человека..." - с. 82), а также ту роль, которую они играли в дипломатическом придворном этикете.

Итак, даже столь беглый обзор сочинения Г.К.Котошихина убеждает нас в том, что это весьма немаловажный источник по истории немецкого предпринимательства на Руси, ценность которого резко повышается от того, что он написан рукою современника - московского служилого человека середины XVII ст.

Славяно-германская антитеза в идеологии чешского общества XIV в.

1. Прекращение национальной династии Пршемысловцев в начале XIV в., последовавшая затем борьба за чешский трон и вторжение бранденбургских войск в Чехию обусловили событийную канву чешско-германских отношений. В этой атмосфере формируется ярко выраженная антинемецкая идеология. В письменных памятниках (Хроника так называемого Далимила, легенда о св. Прокопе) возникают идеологемы неприятия всего немецкого, как чуждого и враждебного чешскому народу, его культуре и местной религиозной традиции. Чешское государство представляется полем битвы между агрессивным, наступающим германским миром и славянством, отстаивающим свою идентификацию во всех сферах жизни. Это противостояние расценивается как экзистенциально важное. От разрешения конфликта зависит дальнейшее существование чешского этноса как части славянского мира. Неприятие германизации, особенно в городской и церковной жизни, порождает черты ксенофобии и прямые призывы к антинемецким действиям.

2. Установление в Чешском королевстве власти династии Люксембургов сняло чешско-немецкую антитезу. Политика Люксембургов была династической и имперской, поэтому в значительной мере не совпадавшей с интересами германских князей и бюргерства. Чехия стала опорой власти новой династии в масштабах всей Священной Римской империи, что

печило Чехии ведущее место в сложной политической системе Германской империи.

3. Новая государственная идеология, выработанная при дворе Карла IV, имела универсалистский, но при этом богемоцентристский характер. Чешско-немецкая антитеза заменяется принципом "единства в многообразии", диалогом, обменом государственными, религиозными и культурными ценностями. В идеологии и на практике осуществляется принцип сохранения славянского характера чешской культуры, исторических и государственных традиций страны, однако включенной при этом в имперско-христианский универсум. Такой синтез не предполагает утрату аутоидентификации, наоборот, акцентирование чешскости и славянскости придает новому универсуму еще бóльшую всеобщность.

4. Обозначенная идеологема обусловила специфику чешского патриотического сознания середины - второй половины XIV в., нашедшего свое выражение в придворных хрониках Пулкавы, Мариньолы, в сочинениях Томаша Штитного, в реформе чешского правописания и др. Важным фактором укрепления славянского чешского этнопатриотизма стала заново переосмысленная кирилло-мефодиевская традиция и основание Эммаусского монастыря в Праге со славянской литургией.

5. Оживление антинемецкой идеологии связано с формированием гуситского движения в конце XIV - начале XV в. Обстановка утраты Чехией доминирующей позиции в империи при Вацлаве IV и возникновение антикатолической идеологии в Пражском университете, а также постепенная чехизация бюргерства, явились процессами, повлиявшими исключительно на чешский этносоциальный организм, что превратило немецкое население страны в консервативный слой, вынужденный отстаивать сохранение своего положения. Оппозиция по нацио-

нальному признаку совместилась с оппозицией по принципу прогресс - консерватизм. Именно это обусловило в дальнейшем превращение славяно-германской антитезы в вооруженный конфликт (гуситские войны).

Морозова С.В. (Гродно)

Немецкая книга XVI-XVIII вв. в монастырских библиотеках Беларуси

Родина книгопечатания, названного И.Гутенбергом “искусством из всех искусств, наукой из всех наук”, не только дала миру заразительный пример этого величайшего открытия человеческой цивилизации, но стала крупнейшим поставщиком печатной продукции на европейский книжный рынок.

Знакомство со списками книг ряда базилианских (униатских) монастырских библиотек Беларуси (в Гродно, Витебске, Волковыске, Лаврышове Гродненской и Тороканах Брестской областей), составленными в XIX в., как правило в связи с передачей книжных собраний закрытых монастырей в другие города и учреждения, приводит к некоторым интересным наблюдениям. Во-первых, в XVII-XVIII вв., после заключения Люблинской и Брестской церковной уний, имеет место наибольшая по сравнению с предшествующим и последующим периодами открытость белорусского общества к западному миру и его культуре. Во-вторых, развитию культурных связей Беларуси с ее близкими и далекими западными соседями содействовала униатская церковь, в то время как православие держа-

ло Беларусь в изоляции от Запада, ориентируясь исключительно на Россию. В третьих, вызывает удивление насыщенность базилианских библиотек европейской книгой и широкая география изданий в тех условиях отсутствия централизованного обеспечения библиотек литературой. В четвертых, продукцию немецких типографий в книжных сборах белорусских базилиан в ее количественном выражении можно поставить на четвертое место после местной, польской и итальянской. Но по числу типографий, чьи книги представлены в этих библиотеках, Германия лидирует перед всеми остальными странами. И, наконец, названные списки могут служить источником изучения истории немецкого книгопечатания, а также белорусско-немецких связей по линии книжной культуры.

Всего в трех проанализированных списках фондов библиотеки (1) вывезенной в 1870-ые годы в Вильно из гродненского Борисоглебского базилианского монастыря, 2) некоего монастыря из Волковыского уезда Гродненской губернии, а также 3) базилианской библиотеки, переданной в Витебскую гимназию), числится 3 тысячи книг. Не во всех указаны выходные данные. Ряд книг не имеют их из-за утери обложки или первой страницы. Из этого количества не вызывает сомнения принадлежность типографиям Германии около 200 книг.

Как явствует из списков, наши предки знакомились с изданиями порядка 30-ти типографий: Берлина, Галле, Фрейбурга, Дармштадта, Штутгарта, Мюнстера, Аугсбурга, Лейпцига, Страсбурга, Виттенберга, Франкфурта, Эрфурта, Гота, Иены, Гельмштета, Дрездена, Гамбурга, Бремена, Ганновера, Гёттингена, Кёльна, Марбурга, Бамберга, Майнца, Мангейма, Нюрнберга, Регенсбурга, Ингольштадта, Тюбингена, Брунсберга.

Самая ранняя немецкая книга в анализируемых библиотечных списках датируется 1529 г. Это "Hagmonis episcopi -

commentaria in Apocalypsim”, напечатанный в Кельне. Изданий XVI в. немного - 13 книг. В основном это продукция кельнской типографии. Поступление книг в XVII в. значительно увеличилось - их насчитывается полсотни. Но наиболее интенсивные книжные связи прослеживаются в XVIII в. Более всего в названных библиотечных сборах представлено книг, изданных в 60-70-е годы XVIII в. Хронологически последней является работа “Liber orationum Ciceronis”, изданная в Галле в 1822 г. Поток литературы с Запада, характерный для XVII-XVIII вв., в конце XVIII в. был искусственно прерван. Среди изданий конца XVIII - первой трети XIX в. преобладают книги с территории бывшего Великого княжества Литовского и России.

Наиболее богато представлена книга из Лейпцига - 33 сочинения, за ней идет продукция брусбергской типографии - 24 тома, затем типографий Кельна, Аугсбурга, Нюрнберга, Ингольштадта (по 14-17 книг).

Это были книги по самым различным областям знаний. Своеобразие читателя - униатское духовенство - определило и характер книжной продукции. Преобладает религиозная литература: теологические труды, толкования св. писания, церковные уставы, работы по каноническому праву, жития святых, сборники проповедей, нравоучений и т.п. Но немало и светских книг: литературных произведений, сочинений античных авторов, юридических памятников, политических сочинений и публицистики, трудов по истории, хронологии, географии, математике и другим наукам, различных грамматик и прочих учебников, практических руководств, философских трактатов, медицинских работ, словарей, сборников афоризмов и др. Язык изданий - немецкий.

Какими путями поступал в Беларусь книжный товар из Германии, можно только догадываться. Его доставляли купцы,

путешественники- аристократы, странствующие ремесленники, получали по церковным каналам, привозили наши земляки - воспитанники немецких учебных заведений. Некоторые из них, получившие образование в Вюрцбурге, Брунсберге, Нюрнберге, впоследствии заняли высокие посты на униатской иерархической лестнице.

Никитенко Н.Н., Никитенко М.М. (Киев)

Известия средневековых немецких авторов о Софии Киевской в свете новых исследований

Наиболее раннее упоминание митрополичьего Софийского собора в Киеве, заложенного согласно летописям Ярославом Мудрым в 1017 либо в 1037 г., содержит хроника Титмара Мерзебургского, написанная в 1012-1018 гг. и сохранявшаяся в оригинале до 1945 г. Титмар сообщает о торжественной встрече киевским митрополитом Болеслава Храброго и Святополка Владимировича в Софийском монастыре 14 августа 1018 г.; за год до этого, говорит Титмар, монастырь пострадал от пожара. Историки по-разному истолковывают сообщение Титмара: одни из них считают, что упоминается неизвестная нам по источникам деревянная митрополия св. Софии, построенная Владимиром или даже Ольгой, другие полагают, что речь идет о каменной Софии, заложенной в 1017 г. В соответствии с этим неоднозначно трактуется сообщение о пожаре: что повре-

дил огонь - монастырь или собор? Собор (монастырь) "сгорел" или "погорел"? Попытка согласовать известие Титмара с летописными датами закладки Софии, казалось бы, неминуемо приводит к выводу о существовании в Киеве в 1017/18 гг. деревянного кафедрала св. Софии, ибо резиденция митрополита не могла функционировать в едва начатой каменной постройке. Однако вряд ли главный храм Руси через три десятилетия после ее крещения был деревянным, тем более, что рядом стояла великолепная Десятинная церковь - "кафоликани иклияси", игравшая до создания Софии роль митрополичьего центра. Логичным представляется вывод, что уже до 1017 г. в Киеве существовал монастырь с одноименным каменным кафедралом, окруженным деревянными монастырскими службами, которые сгорели в 1017 г. - их остатки и какие-то повреждения собора вероятно видел информатор Титмара. В таком случае приходится признать возникновение каменной Софии уже при Владимире, то есть выйти за рамки ее летописной датировки. Причастность Владимира к созданию Софии засвидетельствовал еще один современник появления собора - киевский митрополит Иларион, который утверждает, что в этом деле Ярослав завершил начинание Владимира, как Соломон - Давида в создании Иерусалимского храма. О появлении Софии при Владимире киевляне знали и в эпоху позднего средневековья. Львовский купец, немец по происхождению, Мартин Груневег (1584) и посол немецкого императора Эрих Ляссота (1594), информаторами которых, очевидно, были клирики Софии, называют ее фундатором Владимира, а Ляссоте даже показывали в соборе "столицу Владимира" - нарядное светлое помещение в верхней части лестничной башни, предназначенное для князя и его свиты. Из контекста следует, что эти авторы различали Владимира и Ярослава. Указанная традиция прослеживается в Киеве во

времена Петра Могилы, по заказу которого в 1634 г. на арках центрального купола была сделана ктиторская надпись, где указывалось, что София "начн задатися в лето 1011". Митрополит создал в соборе каплицу-усыпальницу Владимира, ввел его образ в ктиторскую фреску центрального нефа.

Объективность приведенных свидетельств подтверждают результаты новейших исследований собора и прилегающей к нему территории. При земляных работах на подворье собора в 1995-96 гг. в 13 м. от его юго-западного угла нами обнаружен культурный слой, являвший собой строительный мусор, которым засыпали древнюю промоину после возведения Софии, когда планировали окружающую территорию и убирали отходы из-под стен. Многочисленные фрагменты строительного материала и фресковой штукатурки свидетельствуют о том, что сразу же по возведении собора он претерпел какие-то разрушения. Мелкие размеры фигурного изображения и крой одежды на фрагменте фрески позволяют соотнести его со славянской росписью башен. Следы нарушения свода южной башни вскоре после ее росписи видны на верхней лестничной площадке, где поверх первичной фрески нанесен еще один слой штукатурки, по которой сделана роспись, повторяющая нижнюю. Башни Софии играли и оборонительную роль, поэтому они, вероятно, пострадали в 1017 г., когда, как явствует из источников, печенеги ворвались в Киев, и возник пожар в Софийском монастыре. Найден также полый печной(?) кирпич, возможно, из отопляемого помещения в верхней части южной башни ("столицы Владимира").

Датировку Софии рубежом правления Владимира и Ярослава подтверждает также тот факт, что собор является единственным памятником, фресковая штукатурка которого полностью идентична по составу штукатурке Десятинной церкви;

близкие аналогии находят и в стиле росписи обоих памятников, то есть между их мастерами существовала преемственная связь (Коренюк, Фурман, Ганзенко, Медникова).

Итак, известия средневековых немецких авторов содержат объективные данные о датировке Софии Киевской. В то же время тенденциозные статьи 1017 и 1037 гг., попавшие в летописание из сводов времен Ярослава и Ярославичей, связаны с главными вехами его княжения в Киеве - занятием престола в 1016 г. и установлением самодержавия в 1036 г., что объясняется стремлением прославить основателя династии.

Никитина С. (Будапешт)

К вопросу о немецком, венгерском и словацком компонентах ремесленных цехов и братств Пожони (Братиславы): XIV-XVII вв.

История немцев в средневековом Венгерском королевстве связана с множеством проблем и парадоксов. Одним из первых в их ряду стоит вопрос о взаимоотношениях немцев и местного венгерского и славянского населения. Придя на территорию королевства в результате стечения определенных политических и экономических обстоятельств и будучи в начале "чужаками", немцы основали или перестроили города, базируясь на практике и традициях, принесенных из городской культуры, в которой они жили раньше. Эти города были ассоциациям граждан, основанными на клятве. Немцы составляли в них большинство населения, и немецкий язык был не только офи-

циальным языком муниципальной документации (за исключением документов, адресованных королю и его администрации), но и наиболее распространенным разговорным языком, что являлось одним из важных элементов своеобразной культурной среды в королевских свободных городах Венгрии. Эти города не были закрытыми образованиями. Однако они имели специфические вступительные требования, также как и меньшие ассоциации людей, объединенных на профессиональной или социальной базе внутри них. Тенденция к клятвенному союзу, проявившаяся в ассоциации городских граждан и являвшаяся частью большого явления, которое Вальтер Ульман определил как "восходящая теория управления", нашла свое продолжение в клятвенных организациях ремесленников.

Немцы сформировали коммуну в Пожони (немецкое название города - Прешбург, современное - Братислава) не позже 1291 г. Этот год является датой юридического оформления основания города. Это значило, что город получил от венгерского короля Белы IV определенные привилегии, наиболее важными из которых было право на самоуправление и *ius statuendi* - разрешение иметь собственные законы, принимать и осуществлять юридические решения.

Пример Пожони выбран по трем причинам. Первая: количество ремесленных организаций в этом городе было намного бóльшим, чем в других городах, находящихся на территории современной Словакии и в северной части самой Венгрии. Вторая: вследствие оккупации столицы королевства Буды турками в 1541 г. много ремесленников из других венгерских городов перебрались в Пожонь. Значение этого города как экономического и политического центра сильно возросло, чему способствовало также присутствие там королевского двора. Третья: городской архив Братиславы не пострадал в ходе ту-

рецких войн и располагает уникальными документами, не все из которых исследованы.

Не останавливаясь на проблеме немецкой элиты в Пожони и на противоречивом вопросе о немцах как основателях цехов в Венгрии, основное внимание уделю более скромным представителям немецкой коммуны, тем кто занимался ремеслами и имел контакты со своими венгерскими и славянскими коллегами в повседневной жизни.

В фокусе исследования находятся взаимоотношения различных цехов, в которых преобладали соответственно ремесленники немецкого, венгерского или словацкого происхождения. Если о словацких цехах можно говорить только начиная с конца XVII в., деятельность венгерского цеха пуговщиков нашла отражение в городских документах конца XV в., причем несколько членов этого общества были немецкого происхождения. Меня интересуют контакты данных цехов как институтов, имевших отдельную администрацию, но не существовавших абсолютно обособленно в городском пространстве, а также индивидуальные взаимоотношения людей, считавших себя их членами. Сверх того нужно ответить на вопрос, с какого времени мы можем говорить о смешанных ремесленных организациях, которые являлись одной из самых интересных сцен для реализации контактов между ремесленниками немецкого и местного происхождения. В этой связи я анализирую несколько примеров "карьер" венгерских и словацких подмастеров, принятых в немецкие цеха благодаря женитьбе на дочках и вдовах мастеров.

Немцы составляли большинство городского населения и поэтому большинство цехов было немецкими. Кроме того, их пример влиял на организации ремесленников местного происхождения. Важно отметить, что в последних не только статуты,

но и документы практического характера (по крайней мере одна из копий) до конца XVI в. составлялись на немецком языке. Этот факт может быть только частично объяснен требованиями городского совета, состоявшего преимущественно из немцев, и нуждается в дальнейшем исследовании.

Контакты между немецкими, венгерскими и словацкими ремесленниками могли осуществляться на разных уровнях и в различных сферах. Необходимо разграничить ремесло как таковое и связанное с ним братство, призванное удовлетворять социальные и религиозные потребности людей, практикующих определенную социальную профессию, принимая во внимание проблему неточности терминологии в источниках и в научной литературе. Например, венгерский *ceh*, являющийся производным и синонимом немецкого *zeche*, не всегда равен понятию *zunft* и *officium*. С другой стороны, братство, *confraternitas*, могло включать в себя аспект экономической деятельности своих членов. Необходимо также обратить внимание на то, что один и тот же человек мог быть членом нескольких обществ одновременно, что соответствует общей тенденции к многомерности связей людей в средневековом городе и к частому отсутствию четкой границы между ремесленниками и мелкими торговцами, между подмастерьями и начинающими или обедневшими мастерами.

Связи между людьми в практической сфере ремесла могли отличаться от связей, которые были у тех же людей в братстве, хотя бы по причине различного вероисповедания: каждый по воскресеньям ходил в свою церковь. Важно, что прямое требование принадлежности к определенной религии появилось в уставах некоторых Пожоньских цехов не ранее конца XVI в., что, впрочем, не связано с национальностью.

Также необходимо учитывать два иерархических уровня ремесла - мастеров и подмастерий. Можно предположить, что подмастерья, благодаря разнообразию своего происхождения, имели гораздо больше интернациональных контактов. Однако не все они, получив статус мастера, оставались в Пожони. Значительное число подмастерий приезжало в Пожонь на короткий или длительный срок из городов самой Германии. Записи в городских и цеховых книгах свидетельствуют, что весомая часть немецких мастеров XVI-XVII вв. не были потомками немецких поселенцев, осевших в Пожони несколькими поколениями ранее, а являлись бывшими подмастерьями, приехавшими в Пожонь на временную работу и впоследствии получившими права гражданства и членство в цеху. Сохранилось не так много записей по поводу венгерских и словацких молодых людей, проходивших ученичество и "практику" в городах Германии. Однако есть некоторые сведения об этом в сертификатах ученичества и "хорошего поведения", в случае, если впоследствии эти люди возвращались в Пожонь и были приняты в ремесленные организации этого города.

В некоторых профессиях мастера и подмастерья имели отдельные общества с отдельными уставами. Анализ причин такого разделения, степени независимости обществ подмастерий и их связей с обществами мастеров не только на административном уровне, но и на уровне корпоративных ритуалов и преемственности традиций ремесла, может дать доводы за и против кооперации людей различной национальности в них. Некоторые из обществ подмастерий были достаточно однородны по национальному составу и национальность упоминалась в их названии, как например в случае венгерского братства подмастерий пуговщиков и немецкого братства подмастерий сапожников.

Нужно отметить, что венгерский компонент организованных ремесел в Пожони преувеличен в трудах венгерских историков, так же как словацкий компонент в работах словацких ученых. Это, возможно, является следствием и противодействием упрощенной картине полной "онемеченности" всех сфер жизни в свободных королевских городах средневековой Венгрии, представленной историками прошлого века и первой половины нашего века.

Одна из важных практических проблем в изучении немецкого и местного компонентов цехов, это проблема имен и фамилий. Она связана не только с объективным фактором неоконченного процесса формирования фамилий в рассматриваемый период, но и с субъективной тенденцией представлять немецкие имена на славянский и венгерский лад. Это замечание относится не столько к источникам, сколько к работам историков. Например, один печально знаменитый мясник из Пожони, живший в XV в. и попавший в городские и цеховые документы в связи со своим исключением из цеха, упоминается в книге венгерского ученого Михая Фербера под именем Янош Пфистер. Из этого можно было бы сделать вывод о его венгерских корнях. Однако в документах его имя звучит как *Hans*. Эта тенденция наблюдается иногда даже в современной научной литературе.

Отметим, что проблема взаимоотношений ремесленников разного происхождения еще не изучена достаточно глубоко. Она редко рассматривалась с точки зрения ритуалов, символов, благотворительной активности цехов, солидарности их членов, их отношения к чужакам и разницы между членством в цеху и братстве. Это связано с ориентацией на факты в большей степени, чем на проблемы в изучении цехов в целом. Изучение ритуальной стороны деятельности цехов и братств может

открыть еще много новых параллелей, связей и расхождений между немецкими, венгерскими и словацкими цехами.

Несмотря на то, что есть некоторые данные об ограничительной политике цехов в вопросе принятия новых людей, не связанных узами родства с мастерами, я подвергаю сомнению закрытый характер ремесленных обществ, особенно по национальному признаку. Понятие чужака скорее связано не с национальностью, а с отсутствием прав гражданина города и членства в ремесленном обществе. Приобретение последнего могло быть ускорено и упрощено благодаря родственным связям и принадлежности к тому же религиозному течению.

В этой связи мы сталкиваемся не только с проблемой противоречия между юридическим определением членства и его осуществлением на практике, но и с вопросом, как средневековый человек воспринимал свою принадлежность к определенному обществу и свои отношения с коллегами другого происхождения в нем. Запрет так называемых "незаконных братств" является другой стороной того же феномена. Она требует дополнительного изучения отношений этих братств с муниципальными и другими властями. Тем не менее, можно сказать, что в Пожони запрет таких обществ не имел национального подтекста. Общества, о запрете которых сохранились сведения, не были национально однородными. Более того, это были в основном организации подмастерий, на определенном этапе показавшиеся властям опасными, и состав их был очень разнообразный.

Аналогично, нет значительных сведений о конфликтах в Пожоньских цехах, основу которых можно было бы считать национальной. Причины конфликтов были скорее экономические (подмастерья против мастеров), политические (ремесленная ассоциация в целом против другой ассоциации в борьбе за

влияние в городском управлении) или религиозные в широком смысле (драматические события Реформации и Контрреформации в Венгрии).

По моему мнению, анализ взаимоотношений немцев, венгров и славян, занятых ремесленной деятельностью, а также факторов, которые объединяли или разъединяли их, будет способствовать освещению социальной роли цехов в Венгерском Королевстве, остающейся пока в тени их экономической функции.

Парамонова М.Ю. (Москва)

Конфессиональные аспекты взаимоотношений Людольфингов и правлящих династий Центральной Европы на рубеже X-XI вв.

В рамках тысячелетней средневековой истории Европы может быть выделен не один период, претендующий на звание "переломного" в процессе формирования ее культурных и пространственных контуров. К их числу относится и разделяющее эпохи "темных веков" и "высокого средневековья" десятое столетие. Оно не кажется демонстративно эффектным периодом европейской истории: X в. скорее ставил вопросы о новых приоритетах и формах социальной жизни, нежели давал их бесспорное разрешение. К числу существенных процессов этого столетия относится формирование восточной границы Латинской Европы. "Новым" регионом, включенным в круг церковно-религиозного влияния Рима, стало обширное пространство

Центральной Европы, или говоря более точно, три сформировавшихся в течение столетия государства - Чехия, Польша и Венгрия.

Для центральноевропейского региона, как ни для какого иного региона Латинской Европы, X ст. стало переломным, во многом определившим своеобразие его последующего развития. К концу первого тысячелетия собственно и сформировалась политическая и этническая карта региона, сложилась устойчивая система культурного и политического взаимодействия, определилась иерархия сил и приоритетов региона. Бесспорно доминирующее значение приобретает саксонская династия Людольфингов (914-1024). Ее приход к власти ознаменовался как консолидацией господства в Германских землях, так и значительным усилением притязаний в сфере "международных" отношений. Одним из основных направлений военной и политической деятельности германских правителей становится центральноевропейский регион. "Германское" участие в жизни этого региона делается не только более интенсивным, чем в каролингскую эпоху, но и приобретает со втор. пол. X в. более сложный и комплексный характер. В частности, принципиальное значение со времени правления Оттона I имело тесное переплетение собственно политических и конфессиональных (миссионерских и церковно-организационных) мероприятий. В эпоху последних Людольфингов структура отношений с соседними династиями становится весьма сложной, проблема политического влияния выходит за рамки архаического силового, военного доминирования, а авторитет германских правителей приобретает конфессиональную окраску. Важным мотивом их поведения оказывается осознание предполагаемых идеологией императорского достоинства функций: верховенства в иерар-

хической системе христианских государей, задачи защиты веры и организации церковной жизни.

Мир, с которым сталкивались германские правители на восточных границах своих владений, представлял собой к концу X в. весьма сложную и дифференцированную картину. В пестрой мозаике разрозненных племенных сообществ выделяются три новых центра политической интеграции - Чехия, Польша и Венгрия. Развитие этих политических образований, которые весьма условно могут быть обозначены через современное понятие "государство", было связано с деятельностью местных могущественных династий. В их борьбе за власть и территориальное господство, во взаимных столкновениях немаловажное место занимали взаимоотношения с "Германией" - как с Людольфингами, так и с локальными германскими династиями и церковными князьями. Консолидация власти центральноевропейскими династиями сопровождалась процессом христианизации и создания церковной организации на их землях (973/976 - епископская кафедра в Праге, ок. 1000 г. - архиепископства в Гнезно и Остергоме).

Органическая связь политической и религиозной деятельности обнаружилась в полной мере в реалиях исторического развития региона. В X в. "спор" Рима и Константинополя за религиозное влияние в нем, уходящий корнями в предшествующую эпоху и сохранивший в дальнейшем определенную актуальность для венгерских земель, был решен в пользу латинской церкви. Распространение христианства, равно как и создание основ церковно-организационной жизни осуществлялись под германским влиянием. Усилия германских церковных институций, амбиции Людольфингов совпадали с намерениями местных династий, которые использовали религиозное обра-

шение и институциональную систему церкви для упрочения власти и господства над подчиненными территориями.

На рубеже столетий государства Центральной Европы бесспорно представляли собой далекую периферию Латинской Европы, однако именно к этому времени относятся попытки их правителей преодолеть сугубо "германскую" замкнутость своих политических и церковных контактов. Современные исследователи, занимающиеся ранней историей региона, отмечают, что смысл и природа "международных отношений" этой эпохи не может быть описана в современных категориях, т.к. они имеют слишком глубокую укорененность в фикциях национального и институционального сознания. Это были по-преимуществу межличностные отношения, отражавшие интересы и взаимоотношения правящих персон и стоящих за ними династических групп. Однако этот мир "частных" интересов и политики последовательно начинает использовать универсальный язык взаимной идентичности. Таким языком становилась система христианских символов и ценностей.

Анализ средневековых текстов показывает, что для немецких авторов XI в. (Титмар Мерзебургский, Адам Бременский, Бруно Кверфуртский) идентификация восточных партнеров германских правителей по конфессиональному критерию (христиане-язычники, добрые христиане-скверные христиане) имела существенное значение, в то время как в более ранних сочинениях (Видукинд Корвейский) эта тенденция практически отсутствует. Односторонний (германский по-преимуществу) и весьма фрагментарный характер аутентичных свидетельств о взаимоотношениях германских и центральноевропейских правителей характерен для всего X в. Он практически не дает возможности реконструировать процесс проникновения в них

христианского символического ритуального языка, определить меру адекватности его восприятия партнерами Людольфингов.

Однако целый ряд данных указывает, что к концу X в. для правящих династий забота о религиозной и церковной жизни не являлась сугубо прагматической задачей, но была связана и с целями саморепрезентации, иначе говоря, того, что можно было бы определить через понятие "политическая репутация". С особой откровенностью это проявилось в деятельности польского князя Болеслава Храброго, прежде всего в его отношениях с пражским епископом Войтехом и императором Оттоном III: в утрированном виде переплетение религиозных и собственно политических аспектов, где первые выступают в качестве условия *sine qua non*, обнаружилось в обстоятельствах т.н. Гнезненской встречи императора и польского князя в 1000 г.

Обращение к проблеме пространственного становления Европы в эпоху средневековья вызвало появление типологической дифференциации регионов в соответствии с категориями "центра" и "периферии". Изучение их конкретного содержания и соотношенности в различные периоды средневековой истории позволяет гипотетически реконструировать процесс становления Латинской Европы, не выпуская из вида тот факт, что ее единство было обусловлено не только "реальным", фактическим взаимодействием отдельных народов и государств, но и процессами рецепции важнейших форм духовной и социальной жизни.

Немецкоязычные книги славянских будителей

Билингвизм - явление типичное для большей части славянских стран эпохи национального возрождения. В Габсбургской империи и в Германии таким вторым языком для славянских народов был немецкий язык. На нем вышла значительная часть книг будителей Чехии, Словакии, лужицких сербов, издания на немецком языке выходили также в Словакии, Хорватии, Словении и др. Причины этого явления разные. Отец мировой славистики и горячий чешский патриот Й.Добровский почти все свои книги выпустил на немецком языке. Сам он прошел трагический путь чеха, которого в детстве учат немецкому языку и уж потом - чешскому.

Немецкий язык в Габсбургской империи был во многом языком науки. Целый ряд трудов по родной истории будители публиковали по-немецки. История Чехии Ф.М.Пельцля увидела свет сначала на немецком языке и уж потом на чешском. По-немецки опубликовал первые два тома истории Словении А.Т.Линхарт, не успевший закончить свой труд, знаменитая многотомная история Чешского королевства Ф.Палацкого начала выходить в немецком варианте и уж потом в чешском и т.д.

Знаменательно, что лингвистические труды, выходившие в защиту родного языка, порой публиковались по-немецки. Таковы работы того же Ф.М.Пельцля, Ф.Я.Томсы, знаменитая грамматика Е.Копитара 1808 г., в которой сформулированы нормы словенского языка. Параллельно на кайкавском наречии и немецком языке вышла брошюра Л.Гая 1830 г., утверждавшая основы хорватского правописания. Много позд-

нее, в 1866 г. выпустил по-немецки свою работу по словенскому языку Ф.Левстик и т.д.

По-немецки выходит целый ряд брошюр, адресованных не только родной аудитории. "Бросив свое живое слово в лицо неправдам немцев", Я.Коллар тем не менее порой пользовался в своих публикациях немецким языком. По-немецки вышла его знаменитая брошюра "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" (1837). Целый ряд политических брошюр словацкие будители опубликовали по-немецки в эпоху напряженной борьбы с попытками мадьяризации (среди них брошюры Л.Штура, С.Хойча и др.). На немецком языке в Лейпциге вышла и брошюра Я.Гловацкого "Положение русинов в Галиции" - первая политическая брошюра Галичины.

Особое место занимает немецкий язык у будителей сербов-лужицан. Многие труды Я.А.Смолера, Я.П.Иордана написаны по-немецки, иногда книги имеют параллельный немецкий и сербо-лужицкий текст.

Во многих славянских странах выходили славяно-немецкие словари (В.Караджича, Й.Юнгмана, К.Б.Пфуля, И.Цвара и др.)

Эти и многие другие примеры показывают, что немецкоязычная продукция славянских будителей требует серьезного научного осмысления.

В дополнение к сообщению предполагается представить на заседании небольшую выставку немецкоязычных изданий славянских будителей.

**"Немцы от Рима" и "жидове козарьстии":
к проблеме исторического контекста
летописного сказания о выборе веры**

Сказание о выборе веры князем Владимиром, помещенное в Повести временных лет под 986 г., по-разному и не без противоречий трактуется в историографии: естественно, первым делом исследователи учитывают то очевидное обстоятельство, что "выбор веры", или, в более широком смысле, диспут о вере - это распространенный средневековый книжный сюжет с достаточно явными византийскими истоками (из последних исследований, в частности "Речи философа" - см. Франклин, 1985) и даже предполагаемым иудейским влиянием (см. сопоставление летописного сюжета с "выбором веры" хазарским каганом в еврейско-хазарской переписке - Архипов, 1993). Не менее очевидно и то, что участники сюжета, хвалящие каждый свою веру перед Владимиром, - "болгары веры бохмиче" (волжские болгары-мусульмане), "немцы от Рима", "жидове козарьстии" и, наконец, грек- "философ" - были реальными партнерами Руси в X в.

В то же время реальность этого партнерства в определенный исторический момент и его связь с конкретными конфессиональными задачами Русского государства не столь очевидна. Даже наиболее "привязанные" к историческому контексту X в. хазарские евреи оказываются под сомнением как реальные участники диспута, ибо Хазария уже разгромлена Святославом, и на вполне риторический вопрос Владимира о том, где находится их земля, те вынуждены устами летописца отве-

чать, что "предана бысть земля наша хрестеяном", явно имея в виду Палестину, а не Хазарию (ПВЛ 1. С. 60). Соответственно, к евреям не было и посольства для испытания веры, и это обстоятельство даже позволило издателям ПВЛ (2. С. 329-330) предположить, что мотив спора с хазарскими евреями - позднейшая вставка, хотя последующая речь философа продолжает антииудейскую полемику, начатую самим Владимиром. Скорее можно догадываться, однако, что именно эта антииудейская полемика, свойственная византийской литературе и унаследованная литературой древнерусской, "породила" мотив еврейского посольства к Владимиру в русской летописи.

В отличие от иудеев (и даже греков), которым в принципе не свойственно было миссионерство, немцы, как и вся латинская церковь, действительно были чрезвычайно активны на этом поприще, постоянно соперничая с греками на славянских землях. Мотив этого соперничества - вариант прений о вере - был известен уже Житию Мефодия (и, стало быть, древнерусской литературе): моравский князь Ростислав отправляет в начале 860-х гг. посольство к императору Михаилу III со словами: "соуть в ны въшьли оучителе мнози крстьяни из влах и из грек и из немецъ, оучаще ны различь" (Успенский сборник. С.192). Эти слова достаточно точно передают реальность времен миссии Кирилла и Мефодия, когда отношения между собственно Римом - итальянцами-влахами, немцами и греками были напряженными (ср. Флоря, 1981. С. 97, 147). Однако не повлияла ли эта кирилло-мефодиевская традиция на русскую летопись (ср. Шахматов, 1940), и не оказываются ли немцы в Киеве такой же "риторической фигурой", какой могут быть и хазарские евреи?

Здесь важно отметить, что посольство именуется "немцами от Рима". Может быть, так в летописи описан

"синкретический образ" латынянина? Ср. антилатинское послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху, где говорится о том, что после того как немцы завладели "старым Римом", истинно верующие оставили город и там распространилась "немецкая прелесть" (Понырко, 1992. С. 71). В другом послании тот же автор относит падение истинной веры в Риме к вандалскому завоеванию: "Потом же покорени быша римляне иже латина наричется, от уандил, иже нарицаются немцы" (Там же. С. 74). Далее следует разоблачение пагубных латинских обычаев. Неслучайно эти обычаи возводятся к вандалам - они были еретиками, арианами. Смысл этих исторических экскурсов в том, дабы показать, что истинная вера осталась с истинными римлянами - ромеями-греками, жители "старого Рима" олатинились и даже онемечились. В ПВЛ этого смысла нет, в космографическом введении к летописи римляне и немцы - явно отдельные народы (наряду с фрягами, венецианцами и прочими - ПВЛ 1. С. 10).

Вероятно, что слова "немцы от Рима" отражают ту реальную историческую обстановку, которая сопутствовала времени выбора веры и крещения Руси, когда германские императоры, начиная с Оттона I (962 г.), овладели Римом, подчинили своему влиянию пап (по летописи, немцы пришли из Рима "от папежа") и вступили в конфликт с Византией: в этом конфликте они стремились заручиться поддержкой Руси (Назаренко, 1994, 1996). А.В.Назаренко усматривает в летописном известии о немцах из Рима сведения о посольстве от Оттона II (которое датирует 982/983 г.) и даже в самом летописном диалоге с немцами видит намек на неудачную миссию Адальберта, присланного епископом на Русь еще в 961 г., - недаром Владимир отсылает послов со словами, что их закона "отци наши... не прияли суть". Едва ли можно рассматривать летописный сюжет

вне греко-латинской (и греко-иудейской) полемики: ср. упрек того же митрополита Никифора латинянам, что свои обычаи они не могут объяснить Писанием и Преданием, "но от немец прияли суть" (Понырко, 1994, С. 74). Однако историческая актуальность самого выбора веры - греческого или латинского обряда - в начале княжения Владимира представляется достаточно очевидной.

Соответственно, более пристального внимания заслуживает и конкретно-историческая характеристика иудейского посольства - "жидове козарьстии", тем более, что это единственный случай в древнерусской (и византийской) литературе, когда говорится об иудаизме хазар (или в Хазарии - ср. Чекин, 1994). Признание иудеев в том, что "их земля" - Иерусалим - "предана хрестеянном", было воспринято издателями ПВЛ как свидетельство позднего происхождения всего мотива иудейского посольства: действительно, Иерусалим был захвачен христианами-крестоносцами в результате Первого крестового похода в 1099 г. (ПВЛ 2. С. 329-330). Это соображение, однако, не может быть принято по двум причинам. Во-первых, прения о вере включены не только в ПВЛ, но и в Новгородскую первую летопись и, стало быть, имелись уже в Начальном своде 1095 г. Во-вторых, крестоносцы были латынскими, и сам Первый поход состоялся в период греко-латинской (и русско-латинской) полемики, обострившейся после разделения латинской и греческой церковью в 1054 г. Как уже говорилось, прения о вере выдержаны в традиции греко-латинской (и греко-иудейской) полемики, и едва ли захват крестоносцами Иерусалима мог интерпретироваться летописцем как передача города христианам, тем более, что город был отвоеван не у иудеев, а у мусульман. Ср. характерное негативное отношение игумена Даниила к "латине", занимающей "великий алтарь" у Гроба

Господня (при общем "феодалном" пиетете к принявшему русского игумена королю иерусалимскому Балдуину - ПЛДР. XII в. С. 110). Скорее, в летописных прениях о вере речь идет о традиционных "имперских" притязаниях Византии на Святую землю: в "речи философа" и говорится о том, что иудейской землей завладели "римляне" (ПВЛ I. С. 61). Значит, в мотиве о хазарских иудеях летопись следует ранней традиции, а не конструкции начала XII в. Ныне, после открытия письма еврейско-хазарской общины г.Киева, датируемого X в. (Голб, Прицак, 1982), можно считать очевидными местные киевские истоки этой традиции - недаром хазарские иудеи заявляют, что сами слышали о приходе болгар и немцев к Владимиру (ср.Архипов, 1993).

Наконец, первое - мусульманское- посольство из Болгарии Волжско-Камской также вписывается в контекст традиционных исторических связей Киева в X в.: через Болгар, в частности, поступает на Русь (в обход Хазарии) восточное серебро. Речь не идет, конечно, об исторической реальности прений о вере в Киеве накануне крещения Руси (хотя и отрицать возможность такого диспута также нет прямых оснований). Можно, однако, утверждать, что "прения о вере" относятся к раннему пласту русской летописной традиции: ср. реконструируемое Д.С.Лихачевым "Сказание о начальном христианстве на Руси" в связи с шахматовской гипотезой о Древнейшем своде и т.п. (Лихачев, 1975).

Славяне и "немцы" в творческом наследии Юрия Крижанича

1. Славянский патриот хорват Юрий Крижанич (около 1618-1683) всю жизнь искал пути к объединению всех славянских народов под эгидой русского царя и одновременно под духовным господством римского папы. Искренний и убежденный католик, он, будучи просветителем по призванию, вошел в мировую историографию как певец славянского единства. Прошедший в 1983 г. международный симпозиум в Загребе в связи с трехсотлетием со дня смерти Крижанича положил начало переизданию его сочинений и единодушно оценил его вклад в дело консолидации всех славянских народов - это особенно актуально в наши дни, когда распад Югославии привел к ослаблению этого единства.

2. Идея объединения всех славян во главе с великим русским народом требовала объединения также и вер, и церковей. Но и католическая, и православная церковь равно претендовали на мировое господство. Призывы Крижанича к миру и согласию не были услышаны ни в Риме (где он начинал свою борьбу), ни в Москве (где он ее безуспешно продолжал). Его взгляды никем не были разделены, а тем более воплощены в жизнь. Более того, в полном своем объеме они стали известны спустя столетие после его смерти.

3. Объединению славян, по мысли Крижанича, должно было предшествовать создание единого "всеславянского" языка, равно понятного сербам и хорватам, русским и болгарам, полякам, чехам и словенцам. Составив грамматику этого языка,

Крижанич принялся за задачу написания "всеславянской истории" с тем, чтобы опровергнуть бытовавшие в то время на Западе теории о "четырёх монархиях", о принятии Владимиром Мономахом даров от византийского императора, о происхождении царского титула на Руси от Августа кесаря римского и проч. Все эти теории подрывали национальное достоинство и русского народа и всех славянских племен. Теория о "русском происхождении" всех славян стала у Крижанича главным доводом для оправдания национального возрождения славянства.

4. Критикуя культурную и экономическую отсталость славянских народов по сравнению с жизнью окружавших их стран, Крижанич одновременно старался поднять достоинство своего родного племени и выступал против угнетения славян другими народами. Это угнетение шло с юга (Оттоманская империя) и с запада, со стороны "немцев" (в их число он включал не только германцев, но и шведов, англичан, голландцев и всех прочих жителей "луторских и калвинских стран", т.е. протестантов). Многовековая борьба славян с турками была одной из основных тем сочинений славянских писателей XVI-XVII вв., призывавших к созданию единого фронта против турок. Борьба с ними должна была привести к освобождению славян от гнета Османской империи, к государственной независимости славянских народов. Борьба же с "онемечиванием" славян содействовала бы духовному освобождению славян и их морально-нравственному объединению.

5. Крижанич считал, что само общение славян с "немцами" приносит славянам неисчислимыя беды. Чтобы избежать трагического "онемечивания" (которому уже подверглись чехи, поляки и хорваты) необходима полная изоляция славян от их западных соседей ("Словенцам... наилучше бы было ни рати, ни мира з ними не имать, и згода о них не знать!"). Прав-

да, Крижанич понимал, что полной изоляции достигнуть невозможно, но нужно хотя бы ограничить общение славян с "немцами" путем "запертия рубежей", изгнания "немцев"- купцов из славянских стран ("политика гостогонства"), разоблачения происков "немцев" в проповедях и литературе и т.д. В результате, считал Крижанич, будет ограничено проникновение "немцев" в славянские страны, что и спасет восточных и южных славян от того "онемечивания", которому подвержены славяне западные. Опасения Крижанича, что славяне потеряют свой национальный облик под властью "немцев", не были лишены основания: немцы ввели суровый режим военного времени в хорватских землях, отошедших под власть Габсбургов. Крижанич стоял за чисто охранительную политику, не предусматривавшую активных политических действий со стороны славянских стран.

6. Крижанич показал в своих трудах, что экономическое освоение "немцами" славянских земель приводит к политическому закабалению - как он говорил, "немцы" "из гостей и поддаников сотворяются господарями". Лучше уж славянская земля будет пустой, чем "обселена чужим народом". Национальная гордость Крижанича была ущемлена теми "поносными терминами" ("Собачьими угрызками и притеснениями"), которыми "немцы" характеризовали славян - "барбарами" и "дикарями". "Мы, - говорил Крижанич. - ни сыроедцы, ни самоеды людские", а вот те, которые так славян называют, сами их превосходят "в обманности, в ересьях и во всякой худобе и неправде".

7. "Славянское единство", противопоставляемое Крижаничем политике "онемечивания" и отуречивания, отнюдь не означает, что он был "предтечей панславизма", как это нередко утверждается в зарубежной историографии. Панславизм возник

много десятилетий спустя после смерти Крижанича, который никогда и не помышлял о русификации славян. Да, он видел Россию во главе всех славянских племен, мечтал о помощи России в справедливой освободительной борьбе славян. Но он никогда не говорил о подчинении славянских народов России и не утверждал особых путей развития славянских народов, не распространял власть русских самодержцев на другие славянские страны.

8. Предлагавшийся Крижаничем план возрождения славян и их освобождения из-под влияния турок и "немцев" был обусловлен исторической обстановкой середины XVII в. Защищая единство славянского мира, Крижанич мечтал о братском единении всех народов. Он предвосхитил не подобострастную идею панславизма, а великую идею единства человечества. Это о ней писал А.С.Пушкин, о ней мечтал бунтарь и утопист Велемир Хлебников, ею живут и вдохновляются лучшие умы человечества в наши дни.

Пчелов Е.В. (Москва)

Генеалогия графини Оды, жены киевского князя Святослава Ярославича

Известие Альберта Штаденского о женитьбе русского князя на дочери некоего графа Липпольда - Оде, которая через свою мать Иду "из Эльсдорфа" была внучатой племянницей римского папы Льва IX (граф Бруно Эгисхайм-Дагсбург, понтификат 1049 - 1054 гг., канонизирован католической церковью) и императора Генриха III, давно вошло в историческую

науку. Однако до недавнего времени вопрос о том, кто являлся мужем Оды, оставался непроясненным. Возобладали две гипотезы: согласно одной, мужем Оды был Святослав Ярославич (Т.Эдигер, С.П.Розанов и др.), согласно другой, - Владимир Ярославич (Н.А.Баумгартен). В 1994 г. одновременно по этому вопросу выступили также С.М.Каштанов, поддержавший гипотезу Баумгартена, и А.В.Назаренко, которому на основании нового источника, Санкт-Галленских анналов и тщательного изучения европейской историографии удалось доказать, что Ода вышла замуж за Святослава Ярославича. Причем А.В.Назаренко показал, что Ода была второй женой этого русского князя (первая, судя по имени Цецилия, также могла быть немецкого происхождения), приблизительно определил время женитьбы Святослава на Оде - около 1070 - 1071 гг. и сделал ряд важных генеалогических замечаний. Отцом Оды, вероятно, следует считать маркграфа Баварской Восточной марки Лютпольда Бабенберга, дедом Оды по матери - графа Людольфа Брауншвайгского, бабкой по матери - некую Гертруду, вероятно, действительно сестру папы Льва IX. Граф Людольф был сыном герцогини Гизелы Швабской от ее второго брака с гр. Бруноном Брауншвайгским. Первым мужем Гизелы был гц. Швабии Эрнст I, который скончался в 1015 г., третьим - император Конрад (от этого брака родился император Генрих III).

В связи с вышесказанным приобретает определенный интерес и дальнейшая восходящая генеалогия Оды. Через императрицу Гизелу Ода являлась потомком нескольких знаменитых европейских августейших династий. По мужской линии Гизела происходила из рода герцогов Швабии, ее дедом был гц. Конрад (ум. в 997 г.). Мать Гизелы - Герберга являлась дочерью короля Бургундии Конрада (ум. в 993 г.), потомка в пятом поколении графа Вельфа Швабского, основателя знаменитого

рода Вельфов. Бабка Конрада Бургундского - Гвилла, гр. Вьенн, через свою мать Ирмгард доводилась внучкой императору Людовику II (ум. в 875 г.). Людовик II, как известно, был сыном императора Лотаря I, внуком императора Людовика Благочестивого (от его первого брака) и правнуком Карла Великого. Таким образом, по женской линии Конрад Бургундский являлся потомком династии Каролингов.

Из рода Каролингов вышла и жена Конрада Бургундского, и следовательно мать Герберги, Матильда, которая была дочерью французского короля Людовика IV Заморского (ум. в 954 г.). Прямые предки по мужской линии здесь: Карл III Простоватый (879-929), Людовик II Косноязычный (846-879), Карл II Лысый (823-877). Карл Лысый - сын Людовика Благочестивого, но от второго брака, от дочери гр. Вельфа Юдиты. Так и по этой линии предки императрицы Гизелы были потомками Каролингов и Вельфов.

Через свою мать Матильда Бургундская приходилась внучкой королю Генриху Птицелову (ум. в 936 г.), происшедшего из рода Саксонских герцогов. Мать Людовика Заморского, и следовательно бабка Матильды, Эдгива была дочерью короля Англии Эдуарда (869-924), внучкой короля Альфреда (849-901). Род Альфреда возводился к верховному богу скандинавского пантеона Одину (германскому Вотану). Альфред считался потомком Одина в 18 поколении.

Итак, Ода была потомком не только графов Брауншвайгских, Эгисхайм-Дагсбург, но и династий Вельфов, германских, французских и британских королей. Среди ее предков – император Карл Великий, король Альфред, Генрих Птицелов - национальные герои Франции, Германии и Англии. Через британских королей ее родословная восходит, по легенде, к верховному божеству североевропейских народов Одину,

считавшемуся родоначальником многих древних скандинавских, британских династий, в том числе, возможно, родоначальником и Рюриковичей. Род Оды был связан с Рюриковичами и другими связями. В частности, известно, что дочь некоего гр. Куно (Конрада) Энинген вышла замуж за "короля ругов", т.е. Руси. Как показал А.В.Назаренко, этого Куно можно отождествить с швабским герцогом Конрадом, прапрадедом Оды. С другой стороны, жена князя Ярополка Изяславича Кунигунда Орламюндская была сестрой жены двоюродного брата Оды Майсенского маркграфа Экберта младшего.

Вероятно, единственным сыном Святослава и Оды был Ярослав, основатель муромо-рязанской княжеской династии Рюриковичей, правившей Рязанским княжеством до 1521 г. По женской линии от рязанской династии происходили Мстислав Удатный (потомок Оды в 5 поколении) и Александр Невский (в 7 поколении). Следовательно, они были и потомками Карла Великого. Соответственно и потомство Александра Невского (Московская княжеская династия, по женским линиям роды князей Голицыных, Куракиных, графов и дворян Дмитриевых - Мамоновых, дворян Мусоргских и др.) среди предков имело Святослава Ярославича и Оду. Изучение потомков Карла Великого в России приобретает значение и в связи с продолжающимися исследованиями немецких историков в области генеалогии всего потомства этого выдающегося деятеля мировой истории.

Прусские монеты на белорусских землях Речи Посполитой в XVII-XVIII вв.

1. Правовой аспект.

В 1580 г. в правление Стефана Батория (1576-1586) вводилась единая монетная система для Королевства Польского и Великого княжества Литовского (с 1569 г. федеративных частей Речи Посполитой). Изменение в 1580 г. стопы монет Речи Посполитой отозвалось ординацией 1586 г. администратора ленной Пруссии Георга Фридриха (1578-1603), выравнявшей стопу монет. Появление в Речи Посполитой в 1614 г. нового номинала полуторагрошовика тут же нашло отклик в Пруссии - администратор Ян Сигизмунд (1608-1618) вводит новый номинал в герцогстве.

Со слиянием в 1618 г. Восточной Пруссии и Бранденбурга прусская монетная политика не изменилась - продолжается следование в фарватере финансовой политики Речи Посполитой. Запрет производства на монетных дворах Речи Посполитой мелких номиналов в 1627 г. по решению сейма на долгие годы прервал производство мелкой монеты в Речи Посполитой, практически остановилась и их продукция в Кенигсберге - известны разменные монеты герцога Георга Вильгельма (1619-1640) только 1628-30, 1633 гг. В 1650 г. в Речи Посполитой при Яне Казимире (1648-1668) возобновилось производство мелкой монеты, тут же герцог Фридрих Вильгельм (1640-1688) ординацией 1653 г. регламентирует производство прусских монет, включая мелкие номиналы, но с одним существенным отличием - серебра в мелких номиналах содержалось зна-

чительно меньше, нежели в соответствующих монетах Речи Посполитой.

С 1657 г. Пруссия выходит из ленной зависимости. Далее в 1659, 1665, 1668, 1669 гг. стопа прусских монет приближается к стопе городских монет Речи Посполитой - Гданьска, Торуня и Эльблонга -, но серебра в них становится больше, чем в общегосударственных монетах Речи Посполитой. В 1679 г. последовало понижение содержания благородного металла в прусских монетах, затем в 1693 и 1700 гг. при герцоге Фридрихе III (1688-1701), ставшем в 1701 г. королем Пруссии под именем Фридриха I (1701-1713). Понижение содержания металла в монетах при Фридрихе III привело практически к унификации монет Речи Посполитой и Пруссии. Ординация в 1714 г. Фридриха Вильгельма I (1713-1740) произвела "косметические" изменения в стопе прусских монет, оставив их похожими на монеты Речи Посполитой.

Фридрих II (1740-1786) решился на активные действия, которые можно трактовать как экономическую агрессию по отношению к соседу - по ординации 1750 г. вводилась новая монетная система (использовавшая фракции талера для обозначения номиналов), но в 1751-1758 гг. продолжался выпуск прусских монет по "польской" системе, привычно принимавшихся населением Речи Посполитой, которые содержали серебра на 20-30% меньше, чем соответствующие номиналы, находящиеся в обращении в Речи Посполитой. Ординации Фридриха II 1764 г. ввели разделение прусских монет на общегосударственные и региональные восточнопрусские (наследовавшие старую систему), которое сохранилось и при Фридрихе Вильгельме II (1786-1797). Начиная с ординации 1766 г. Станислава Августа Понятовского (1764-1795), оборонительную монетную политику приходилось проводить Речи Посполитой,

приводя в соответствие с прусскими монетами как монетную систему, так и содержание металла в своих монетах во избежание их оттока в Пруссию.

2. Прусские монеты в денежной массе.

В перв. пол. XVII в. наиболее часто встречаемыми прусскими монетами становятся полуторагрошовики (драйпельеры) Георга Вильгельма, в меньшей степени, но достаточно заметно присутствие бранденбургских полтораков и ортов Георга Вильгельма. С середины XVII в. часто встречается солид Фридриха Вильгельма (до момента вытеснения биллоновых солидов медными солидами Яна Казимира 1659-1666 гг.). В последней четв. XVII в. массово появляются шестигрошовики и орты Фридриха Вильгельма, затем те же номиналы Фридриха III и шестигрошовики Фридриха Вильгельма I, шестигрошовики Фридриха II встречаются редко. Реже встречаются гроши, двух-, трех-, четырех- (последние приблизительно соответствовали коронным ортам) и восьмигрошовики (1/3 талера) Фридриха II, Фридриха Вильгельма II, Фридриха Вильгельма III (1797-1840).

Доля прусских монет в денежном обращении Речи Посполитой была весьма значительна. Например, основу денежной массы по номиналу орт (тынф) в Речи Посполитой на 20-30% в перв. пол. XVIII в. составляли еще уцелевшие добротные старые орты Георга Вильгельма, менее доброкачественные орты Фридриха Вильгельма и Фридриха III с датами от конца 1670-х до конца 1690-х гг.

3. Хозяйственный аспект.

Наличие прусских монет обычно объясняется недостаточным производством отечественных монет во втор. пол. XVII в. и практически полным прекращением их выпуска с конца XVII в. до сер. XVIII в. Однако, названная причина вто-

ростепенна. Ясно, что присутствие в денежном обращении на территории Речи Посполитой прусских монет не было актом благотворительности. Другое дело, что деятельность монетных дворов Речи Посполитой, бедной собственными источниками серебра, уменьшала бы количество прусских монет в обращении (условием передела монет является несколько большее содержание серебра в монете соответствующего номинала). Источниками XVII - перв. пол. XVIII в. не отмечается спекулятивный характер насыщения денежного рынка Речи Посполитой прусскими монетами, в отличие, скажем, от солидов Прибалтийских владений Швеции втор. трети XVII в., которые явились реакцией на недостаток в обращении разменной монеты и производились из талерной монеты, изъятой из обращения Речи Посполитой в обмен на необходимые солиды.

Специалисты по аграрной истории Белоруссии отмечают усиление ориентации феодального хозяйства в перв. трети XVII в. и (после войны 1654-1667гг.) с конца XVII в. на экспорт товарного зерна, леса, пеньки, поташа. Заметно влияние внешних факторов на поступление прусских монет - Северная война значительно уменьшила их приток. "Окнами в Европу" служили для региона порты Гданьск, Рига, Крулевец (Кенигсберг). Соответственно в регион приходили необходимые в качестве обменного эквивалента монеты, изъятые из денежного обращения побережья. Условием принятия их продающей стороной были традиция обращения, близкая привычной стопа, близкий внешний вид. До сер. XVIII в. прусские монеты этим условиям отвечали. Понятно, что торговые операции не всегда сводились к обмену товара на серебро в виде монеты. Имели место бартерные сделки, взаимозачет по поставкам с выплатой в звонкой монете разницы, товарный кредит, расчет долговыми обязательствами, но использовались и фьючерные

сделки как средство закабаления поставщика. В конечном итоге окончательные расчеты регулировались децентрализованными поставками в регион недостающего ему серебра.

Сезонность обязательных платежей в связи с аграрным характером хозяйства Речи Посполитой (и белорусских земель в ее составе) требовала значительного запаса средств обращения, могущего покрыть пик выплат. Увеличение количества хозяйственных единиц как естественное следствие демографического процесса требовало и одновременного наращивания денежной массы для обслуживания механизма феодального хозяйства (при сохранении выплат на прежнем уровне). Естественно, что для выполнения этой функции должна была прийти иноземная монета, поскольку отечественная не производилась. По причине устойчивых хозяйственных связей с Пруссией этой монетой в конце XVII - перв.пол. XVIII в. была прусская монета (в обращении в белорусских губерниях до перв.пол. XIX в.). Вероятно, иные зарубежные монеты, обильно представленные в XVII-XVIII вв. на белорусских землях, также в значительной доле происходят из этого региона как следствие торговых контактов.

Сосно В.А. (Минск)

Из истории немецких поселений в Беларуси

Выходцы с германских территорий были зафиксированы на белорусских землях еще во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Это были рыцари и наемные

солдаты, ученые, торговцы, ремесленники, крестьяне. Компактные поселения смогли образовать, ввиду особенностей своего социально-экономического и правового статуса, лишь немецкие крестьяне-колонисты, т.е. те, кто стабильно размещался на государственных, частновладельческих или приобретенных покупкою землях. В Российской империи основные законодательные и практические мероприятия правительства по иммиграции были направлены на заселение многоземельного юга страны, тем не менее, при наличии свободных земель разрешалось принимать иностранцев и в белорусских губерниях¹. В течение первых десяти лет колонисты освобождались от уплаты податей и не несли рекрутской повинности. Им предоставлялось право первоочередного решения дел в судах, но категорически запрещалось владеть населенными имениями. В составе Экспедиции государственного хозяйства 1797-1803 гг. существовала специальная “контора опекунов иностранных”.

На территории Беларуси властям приходилось иметь дело не столько с официально разрешенными поселениями, сколько с нелегальным бегством сюда ремесленников и крестьян из сопредельных европейских государств. Ими активно пополнялась известная с XVI в. и наиболее многонациональная категория сельского населения - “вольные” люди, пользовавшиеся личной свободой. Поэтому не случайно большинство “вольных” людей, по данным ревизии 1795 г., находилось на западе Беларуси и особенно в Литве: Слонимская губерния - 11833, Виленская губерния - 105251 душ мужского пола².

Среди иностранных выходцев “вольными” людьми прежде всего назывались сбежавшие из прусских или австрийских

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. XXII. № 16196; Т. XXVIII. № 21163; Журналы Комитета министров. Т. I. Спб., 1888. С. 98.

² РГАДА. Ф. 11. Д. 968. Л. 65; ГИА Литвы. Ф. 378. 1802 г. Д. 145. Л. 29.

владений. Указом от 23 февраля 1799 г. было постановлено: “Род людей, поселившихся в Литовской губернии с давних времен из Цесарии, Пруссии и других земель, и при бывшей ревизии названных вольными, оставить на таком же основании, на котором они теперь находятся”³. Это увеличило поток крестьян, бежавших из-под власти Австрии и Пруссии. Губернская администрация, опираясь на указ от 27 октября 1797 г., разрешающий прибывшим из-за границы избирать образ жизни, охотно принимала беглецов, поселяя “во избежание произойти могущих от них злоупотреблений”, “в поветах, к границе неприкосновенных, а именно: Виленском, Браславском, Завилейском, Ошмянском и Новогрудском”⁴. Местные крепостные не преминули воспользоваться такой возможностью и нередко бежали за границу, чтобы прибыть оттуда под видом иностранцев свободными людьми. Администрация принимала, правда, далеко не всегда успешно, меры к распознаванию таких мнимых иностранцев и возвращению их прежним помещикам.

Немногие из “вольных” людей имели собственную землю, основная масса пользовалась участками по договорам с землевладельцами, за что вносила чинш, реже - отбывала барщинную повинность, платила значительную, бóльшую, чем крепостные, государственную подать. Множество тяжб породило стремление землевладельцев закрепить “вольных” людей, в связи с чем количество их сокращалось. В этих условиях российское правительство проявило заботу лишь о тех иностранцах, которые проживали компактно и еще не потеряли своего национального лица, т.е. не слились с местным населением. В 1826 г. распоряжением министра финансов их выдели-

³ Полное собрание законов... Т. XXV. № 18871.

⁴ ГИА Литвы. Ф. 378. 1800 г. Д.2. Ч. 1. Л. 339-341.

ли из состава “вольных” людей, установив одинаковое со всеми остальными крестьянами податное обложение.

После передачи в 1837 г. иностранных поселенцев из Министерства внутренних дел в ведение Министерства государственных имуществ, были собраны сведения об этом разряде населения. По правительственным данным “выходцы из Пруссии и других немецких государств” проживали в Минском уезде (вюртембергские колонисты в деревнях Колядичи, Корзюки, Доргаи, Юцки, Слепянка и др.) и во всей губернии - 63 (с 1781 и 1792 гг., на собственной и арендованной земле), Брестском - 1097 (с 1663 г., на земле, дарованной в 1717 г. Радзивиллом, колонии Нейбров и Нейдорф), Пружанском - 97 (с 1809 г., на казенной земле имения Масево) ревизских душ. Одна немецкая семья поселилась (с 1835 г.) на помещичьей земле в Галицком уезде, вторая (с 1812 г.) - в имении Илья Вилейского уезда. Кроме немецких, в сводках значилась только одна итальянская семья, поселившаяся с 1837 г. на арендованной земле возле города Ошмяны⁵.

В местах компактного проживания поселенцы избирали из своей среды старост, которые исполняли общественные дела и разбирали споры. По вероисповеданию немецкие выходцы принадлежали к лютеранской и католической церквям. Так, в колониях Нейбров и Нейдорф католиками считались 361, а лютеранами 616 душ мужского пола, последние имели отдельный приход и пастора. Наряду с сельским хозяйством они успешно занимались различными ремеслами, особенно столярным. Некоторые из немецких поселений просуществовали вплоть до начала 40-х годов нашего столетия⁶.

⁵ РГИА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 17. Л. 6-7, 21-24, 117, 135-136, 212-244; ГИА Беларуси в Гродно. Ф. 1. Оп. 4. Д. 812. Л. 4-23.

⁶ Гушча У. Немцы-палешукі//Звязда. 1993. 26 лютага.

Конфедерация моравских, венгерских и австрийских сословий 1608 г.

1. В качестве источников в данной работе использовались: Catona St. *Historia Critica Regum Hungariae*. T. IX, ordine XXVIII. Budae, 1794.

Corpus Juris Hungarici// Magyar Torvenytar 1000-1895. Bd., 1899.

Hammer - Purgstall J. *Klesls, des Kardinals des geheimen Kabinetts Kaisers Matias. Leben*. Munchen, 1895.

Marcali H. - Angyal D. - Mika S. *Enchiridon... A magyar tortenelem kuttoinek kezikonyve*. Bp., 1902.

2. Присоединение Чехии и Венгрии к владениям Австрийских Габсбургов. Проблема централизации в новом государственном объединении: этапы и основное содержание.

3. Венгерское сословное восстание под руководством Иштвана Бочкаи и Венский мир 1606 г. Первые переговоры между сословиями Австрии, Штирии, Чехии, Моравии, Лужиц и Венгрии о сохранении и защите Венского мира перед лицом императора Рудольфа II. Особая позиция в этом вопросе сословий чешских земель.

4. Возобновление переговоров между сословиями после смерти И.Бочкаи. Появление нового участника переговоров - эрцгерцога Матиаса. Роль эрцгерцога Матиаса в политической жизни. Его попытки достичь власти в Австрии, Венгрии и Чехии: семейный договор, союз с австрийскими и венгерскими сословиями.

5. Созыв эрцгерцогом Матиасом венгерского Государственного Собрания и австрийского ландтага для решения вопроса о создании межнациональной сословной Конфедерации.

6. Подписание договорной грамоты между эрцгерцогом Матиасом и сословиями Венгрии, Австрии о заключении союза. Обоснование союзниками законности созданной Конфедерации. Функции и задачи этого союза, по мнению сословий. Реакция Рудольфа II на переговоры между сословиями и Матиасом.

7. Обострение отношений между моравскими сословиями и Рудольфом II. Смещение сторонника Рудольфа II Л. Берке с поста главы земли и создание временного правительства под руководством К. Лихтенштейна. Переход моравских сословий на сторону Матиаса и их присоединение к Конфедерации.

8. Переговоры членов Конфедерации с чешскими сословиями о возможности заключения союза. Отказ чешских сословий перейти на сторону Матиаса. Причины их верности Рудольфу II. "25 пунктов" Вацлава Будовца.

9. Начало войны между Конфедерацией и Рудольфом II, на стороне которого сражались чешские сословия. Победа Конфедерации. Подписание мирных договоров. Результаты деятельности Конфедерации для эрцгерцога Матиаса и для сословий Австрии, Венгрии и Моравии.

Венгры и немцы в конце XVIII века: к вопросу о складывании этнокультурных стереотипов

В рамках конференции, посвященной многовековому многообразному взаимодействию славянского и германского элементов в европейской истории, определенный интерес могут представлять наблюдения над особенностями взаимоотношений между немцами и другими народами Центральной и Восточной Европы. Богатый сравнительно-исторический материал дает венгерская история, в которой тесно переплелись судьбы немцев и венгров.

Венгерская история знала многие века мирного сосуществования венгров и немцев. Поселившись на территории королевства еще в средние века, немцы внесли вклад в мирную колонизацию и развитие венгерских городов. В Трансильвании саксы наравне с венграми и секеями обладали правами и привилегиями политической нации. Другой стороной венгерско-немецких отношений с 1526 г. стало вхождение Венгрии на правах широкой автономии в состав империи Габсбургов.

Австрийские земли традиционно служили связующим звеном между Венгрией и Западной Европой. Через Австрию, прежде всего через имперскую столицу Вену, в Венгрию проникали новые веяния в области науки, культуры и искусства. В то же время именно из Вены приходили императорские рескрипты, ограничивавшие или вовсе упразднявшие веками складывавшиеся венгерские правовые нормы, политические структуры и институты. Поскольку государственно-правовая обособленность и относительная политическая самостоятель-

ность Венгрии и в конце XVIII в. были еще достаточно сильны, Венгрия стала одним из очагов противодействия реформам австрийского просвещенного абсолютизма, объективно направленным на экономическую и политическую консолидацию разрозненных провинций империи.

Рубеж 80-90-х гг. XVIII в. стал периодом, когда венгерский национализм буржуазной эпохи впервые заявил о себе, пока еще в форме протонационального движения сопротивления реформам просвещенного абсолютизма. Именно в 1790 г. впервые прозвучали, пусть пока сословно понимаемые лозунги защиты родины, свободы, конституции, языка, стало модным ношение национального костюма. Протесты против централизаторской политики Вены закономерно обрели антинемецкую направленность: раздавались призывы изгнать злонамеренных немецких советников короля-императора, звучали песни и марши доблестных куруцев (борцов против Габсбургов), предлагалось официально запретить ношение “немецкого” (фактически западноевропейского) платья.

Венский двор не желал молча взирать на успехи венгерского национального движения. С ведома и одобрения императора Леопольда II бывший преподаватель Пештского университета Л.А. Хоффманн, талантливый журналист, обративший свое перо против ненавистных ему венгров, в 1790 г. написал два памфлета, “Вавилон” и “Ниневия”. В первом он подверг критике “национальную” платформу венгерской сословной оппозиции, противопоставив их концепцию политической нации гражданскому национализму французского Национального собрания. Во втором памфлете Хоффманн изобразил венгров дикими, примитивными варварами, чуждыми цивилизации. Памфлеты вызвали взрыв общественного возмущения и целый по-

ток откликов, в большинстве которых, кстати, Хоффманну был преподан урок корректной полемики и терпимости.

Творения Хоффманна не заслуживали бы пристального внимания, если бы не то влияние, которое они оказали на западноевропейское общественное мнение. Так, союзником Хоффманна выступил видный представитель западноевропейского Просвещения А.Л. Шлёцер. В то время как прогрессивно настроенная часть венгерского дворянства на Государственном собрании 1790-91 гг. строила планы экономических и социально-политических реформ, газета Шлёцера “Staatsanzeiger”, формировавшая общественное мнение в Европе, рисовала близкую к хоффманновской картину венгерского варварства и высмеивала претензии венгерских дворян именоваться венгерской нацией. Отголоски пренебрежительного отношения к венграм можно встретить и у И.Г. Гердера.

Итак, первые шаги венгерского национализма, пусть в его протонациональной форме, можно сказать, неслучайно приняли антинемецкую направленность и обогатили новыми красками стереотипные представления венгров о немцах. Закономерно также, что оружием против еще не родившегося венгерского национализма в руках венского двора стала пропаганда этнокультурного стереотипа о венграх.

Польско-германские отношения X-XIII вв. в оценке современной польской медиевистики

На протяжении многих веков восточная политика была составной частью внешнеполитической деятельности немецких князей, императоров. Особое место в ней занимает Польша как географически близкий сосед. Поэтому естественным является интерес современных польских историков к проблеме взаимоотношений двух государств и народов.

В центре исследований стоит проблема формирования Древнепольского государства, определения его международного положения в раннем средневековье. Значительным итогом в этом направлении стала проведенная в 1992 г. в Познани научная конференция, посвященная 1000-летию смерти основателя Древнепольского государства Мешка I. В докладах Я.Пискорского, Г.Лябуды, Е.Стршельчика подчеркивается, что Древнепольскому государству в период правления Мешка I удалось не только отстоять свою независимость в борьбе с империей Оттонов, но и добиться значительного расширения территории за счет включения Силезии, Поморья и части Малой Польши. При этом Г.Лябуда отмечает, что территориальные границы Древнепольского государства были определены уже в первых письменных источниках по истории Польши - "Dagome Judex" и в хронике Титмара.

Акцентируя внимание на том, что Древнепольское государство было равноправным субъектом международного средневекового права, польские ученые исследуют две проблемы:

процесс христианизации страны первыми Пястами и формирование западной границы Пястовской Польши.

В исторической литературе 80-х - 90-х годов сделан вывод, что христианство содействовало завершению внутренней интеграции польского общества и дало возможность государству Пястов быть равноправным партнером в современном ему христианском мире. Новая религия значительно увеличила потенциальную способность противостояния Польского государства немецкой территориальной агрессии. Историки также обращают внимание на восприятие первыми польскими князьями христианства как значительной культурной силы, содействующей распространению образования и письменности.

В новейших исследованиях подчеркивается, что международная ситуация, которая сложилась вокруг Древнепольского государства, заставила его искать союзников среди славянских христианских стран. Поэтому брак Мешка I и Добравы, дочери чешского князя Болеслава, должен был в первую очередь защитить государство Пястов от претензий как Оттоновской империи, так и немецкой церковной организации.

Проблема формирования западной границы Древнепольского государства и сегодня является предметом научной дискуссии, которая охватывает следующие вопросы: определение линии западной границы государства Пястов, место Поморья и Силезии в процессе формирования первых границ, строительство Пястами укреплений для противостояния немецкому "натиску на Восток", влияние польско-германских приграничных конфликтов на политические отношения между империей Оттонов и Древнепольским государством.

В современной историографии преобладает мнение, что древнейшая западная граница Польши проходила по линии

Одера, Ниссы Лужицкой; в районе Силезии она была размыта и не очень четкая.

Достаточно много внимания уделяется польско-германским отношениям в монографической литературе, посвященной жизни и деятельности первых польских князей. Ведь перед каждым из них в той или иной мере стояла задача защиты страны. В целом, абсолютизируется деятельность монарха, особенно Мешка I, Болеслава Храброго, Болеслава Кривоустого.

В комплексе вопросов польско-германских отношений достаточно исследуемой является также проблема немецкой колонизации и распространения немецкого права на польских землях, определения его сущности и значения для развития польских городов и сел. В анализе данной проблемы в основном доминирует региональный аспект. Ю.Спорс, Я. Пискорский исследуют вопросы колонизации в Западном Поморье, Р.Хек - в Силезии, то есть в тех районах Польши, где колонизационные процессы были наиболее ощутимы. Характерной особенностью научных трудов является максимально полное использование материалов археологических раскопок, которые ведутся по всей территории Польши.

Следует отметить, что польская медиевистика в 80-е - 90-е годы пришла к определенным обобщениям по данной проблеме: немецкая колонизация имела позитивное влияние на экономическое развитие польских земель. Немецкое право содействовало установлению политико-правовой независимости польских городов, развитию городского самоуправления.

Таким образом, влияние польско-германских отношений на историю Польского государства - наиболее разрабатываемая и дискуссионная тема в польской медиевистике. Анализ комплекса этих проблем носит полемический характер. В 80-е - 90-е годы

польские историки придали новый импульс исследованиям разных аспектов польско-германских отношений прошлого.

Шварц И. (Вена)

**Вена – Москва.
Восстановление дипломатических отношений
в середине XVII в.**

Дипломатические взаимоотношения между Веной и Москвой в первой половине XVII в. были очень спорадичны. Интересы царей и императоров имели не много общего. После миссии Логау (1604 г.) в Москву 50 лет не приезжал ни один императорский посланник. Последние русские старания были связаны с признанием Михаила Федоровича Романова, как новоизбранного царя. 27 марта 1615 г. в Вену прибыл Ханс Хелмс- в русских источниках называвшийся Иваном Фоминым,- англичанин на русской службе. Его аудиенция у императора и его попытки энергично добиваться признания не имели успеха¹. Одновременно императорский дипломат Эразмус Хайдемус осенью того же года принял участие в мирных переговорах между Польшей и Россией близ Смоленска. В конце июня 1616 г. к императору было отправлено посольство Лукьяна Ивановича Мясного и в начале января 1617 г. признание Михаила было уже решено. После этого в течение 37 лет не

¹ Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. I Teil. 1604-1654. Graz-Köln, 1960. S. 197-204.

было прямых дипломатических отношений. "Большой разлад совпал со временем Тридцатилетней войны"². Хотя в 1632 г. была предпринята попытка направить посланника в Москву, но он потерпел неудачу при пересечении границы в Дорогобуже, т.к. недоверие к участвовавшим в миссии полякам было очень сильным. Их заподозрили в шпионаже³.

37 лет спустя после появления в Вене Хелмса и Мясного и 9 лет после смерти царя Михаила Федоровича (1645г.), новый русский царь Алексей Михайлович попытался вновь оживить отношения. Он хотел преодолеть внешнеполитическую изоляцию Московского государства и осуществить нажим с третьей стороны на обоих врагов (Польшу и Швецию). В 1654 г. отправилось посольство Ивана Баклановского и Ивана Михайлова в Вену к императору Фердинанду III, чтобы сообщить о смерти предыдущего царя и провести переговоры о союзе против Польши. Это посольство стало осторожным началом нового периода во взаимоотношениях двух стран. Традиционная австрийская посредническая политика снова оказалась вызванной к жизни.

Мой доклад посвящен поездке императорского посольства в Москву и Вильно, которую в 1655 - 1656 гг. предприняли Аллегретто де Аллегретти и Иоганн Теодор Лорбах. Тема довольно известна и разрабатывалась в трудах А.Прибрама, С.М.Соловьева, А.Н.Мальцева⁴. Об этом посольстве нас ин-

² Ibid. S.18.

³ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. Вып. II. Кн. I. М., 1995. С. 575-576.

⁴ Pribram A. Österreichische Vermittlungs-Politik im polnisch-russischen Kriege 1654-1660//Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 75. Hälfte 2. Wien, 1889. S. 415-480; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1961. С. 650-662; Мальцев А.Н. Международное положение Русского государства в 50-х годах и русско-шведская война 1656-

формируют: а) сохранившиеся в Дворцовом и Государственном архиве в Вене документы из фонда Россия I: а) инструкция (черновик), донесения из Ревеля, Москвы, Вильно и реляция послов о поездке и результатах, б) Опубликованные русские источники в: изданиях "Памятники дипломатических сношений... с Римской империей", т. III. СПб., 1854, в) Опубликованные документы в: Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux Regnis d'Alexis Michaélowitch...* Rome, 1859, S. 6-9, г) Franasovič Petar. *Putovanje iz Beča u Moscov godine 1655* (In: *Dubrovnik zabavnik narodne Štionice dubrovačke za godinu 1868*. Spljet, 1868. S. 57-88).

Из содержания документов можно вывести следующие факты и заключения, которые освещают, с одной стороны, австро-русские отношения, а с другой - политическое положение в Восточной Европе и дипломатические интересы Габсбургской монархии. В этой связи миссия Аллегретто де Аллегретти и Иоганна Лорбаха представляет в другом свете:

1. Основы посреднической политики Вены в середине 50-х гг. XVII в.: Доминирующим мотивом австрийской дипломатии было стремление положить конец "хорошим" русско-шведским отношениям. Считались с возможностью конфликта между Швецией и Московским государством.

2. Конфронтацию внутри посольства, личные отношения между Аллегретти и Лорбахом и трудности и осложнения в ходе миссии.

Переговоры в Вильно 1656 г. привели только к недолгому перемирию между Россией и Речью Посполитой. Договор был заключен 25.X (4.XI) 1656 г. и вновь нарушен в 1658 г.

1658 г.//Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 496-501.

В истории дипломатических отношений между Веной и Москвой это посольство сыграло важную роль. Оно было первой миссией из целого ряда, которые в середине 80-х гг. XVII в. привели к включению России в Священную лигу (1686-1699 гг.).

Юрасов М.К. (Москва)

Венгры, Великоморавская держава и Восточнофранкское королевство во второй половине IX в.

После переселения в южнорусские степи в начале IX в. мадьяры, как и другие варварские народы, оказавшиеся на границах высокоразвитых цивилизаций, начинают совершать набеги на соседние государства с целью захвата богатой добычи и навязывания уплаты им дани за сохранение спокойствия на границах. Первой жертвой венгров вскоре после появления в донских степях стала Хазария. Тогда же, или по крайней мере в 30-е годы IX в. мадьяры появляются на Нижнем Дунае, однако неудачные боевые операции мадьяр против восставших византийских пленников, поселенных в междуречье Днестра и Прута в 836-838 гг. надолго задержали проникновение древних венгров в более западные области Европы.

Другой причиной, из-за которой мадьяры два с половиной десятилетия не пытались прорваться далее в Центральную Европу, было существование там сильного Великоморавского княжества, переживавшего период постепенного территориального расширения при князьях Моймире (830-846) и Ростис-

славе (846-870). Появление столь серьезного соперника на восточных границах обеспокоило восточнофранкского короля Людовика Немецкого, по указанию которого был свергнут Моймир и поставлен Ростислав. Однако последний оказался таким же непослушным воле Людовика и активно противостоял немецкой агрессии.

Для борьбы с восточнофранкским королем Ростислав заключает ок. 860 г. союз с его сыном, австрийским маркграфом Карломаном. Именно этот конфликт, разгоревшийся вскоре между отцом и сыном, позволил мадьярам впервые, если опираться на данные источников, проникнуть в самое сердце Европы. Бертинские анналы сообщают под 862 г. об участии венгерских отрядов в открытом мятеже Карломана против Людовика Немецкого. Представляется, что лишь союз Карломана с Ростиславом позволил мадьярам беспрепятственно пройти от Северного Причерноморья до Австрийской марки.

После этого западноевропейские хроники в течении двух десятилетий не упоминают венгров. Следующее сообщение об их походе совместно с каварами на австрийские земли содержится в Больших Зальцбургских анналах под 881 г. Князем Великой Моравии был в то время уже Святополк (870-894), столкнувшийся в годы своего правления с сепаратизмом отдельных этнических групп, входивших в состав его державы. Признавая себя вассалом восточнофранкских королей Людовика Немецкого (правил до 876 г.) и его преемника Карла III Толстого (876-887), Святополк добивается в 890г. признания независимости Великоморавского княжества от Арнульфа (887-899). Появление венгров и каваров в 881 г. в Австрии было, как представляется, одним из эпизодов борьбы Святополка против немецкого княжества.

В последние годы княжения Святополка использование мадьяр в качестве союзных отрядов в борьбе с противником активно проводится как великоморавским князем, так и немецким королем. К этому времени венгры были вытеснены печенегами в самый западный сектор степей Северного Причерноморья (страны Ателькузу) и находились в непосредственной близости от степей будущей Валахии, через которые шел кратчайший путь на Великую Моравию и далее в германские земли. К тому же, занятие большей части степей Северного Причерноморья печенегами заставило венгров ограничить свои внешнеполитические устремления набегами главным образом в западном направлении.

В целом, в последние годы пребывания в степях Восточной Европы мадьяры проводят такую активную внешнюю политику, которая была несоизмерима с их военным потенциалом. В 892 г. они в союзе с немецким королем Арнульфом воюют против великоморавского князя Святополка, а в 894 г. уже как союзники Святополка отправляются в поход на Арнульфа. Последнее военное предприятие, правда, оказалось сорванным из-за последовавшей в том же году смерти Святополка. Тем не менее тогда же мадьяры участвовали еще в одной войне - против болгарского царя Симеона в качестве союзников Византии.

Столь масштабное распыление сил при наличии на востоке печенегов - злейших врагов мадьяр во второй половине IX в. не могло не привести к катастрофе. Воспользовавшись отсутствием основных венгерских военных сил, печенеги внезапно нападают на становища мадьяр и истребляют значительную часть оставшегося там населения. Верховному вождю венгров Арпаду пришлось весной 895 г. начать очередное переселение на новую родину, теперь уже на земли будущей Тран-

сильвании, которые соприкасались на западе с владениями Великой Моравии.

Первоначально в 895-900 гг. венгры Арпада заняли территорию к востоку от Среднего Дуная, официально не принадлежавшую Великой Моравии. Однако в дальнейшем, ввиду крайнего ослабления Великоморавской державы вследствие междоусобий преемников Святополка Моймира II и Святополка II, начинается постепенный захват их земель венгерскими племенами. К 907 г. некогда могущественное славянское государство перестает существовать. Его владения большей частью вошли в состав Венгерского союза племен, а также были присоединены немецкими королями.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Бектинеев Ш.И.</i>	Германское влияние на формирование денежных систем на территории Беларуси в XI-XIV вв.	7
<i>Белова О.В.</i>	Мифологизация образа немца в славянской традиционной духовной культуре.....	10
<i>Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.</i>	Немцы в Сибири в XV-XVII вв. (Участие немцев в российском освоении Северной Азии).....	14
<i>Вилкул Т., Собуцкий М.</i>	Смысловые сдвиги в переводе "Киевских глаголических листков"....	17
<i>Водарский Я.Е.</i>	Генрих Фик в России: реформы и работа (1715-1750 гг.).....	19
<i>Воронова А.В.</i>	Немецкое население в городах Чехии в XVI-начале XVII вв.	22
<i>Гиппиус А.А</i>	Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики.....	24
<i>Гусарова Т.П.</i>	Католические миссионеры в областях славянской миграции Южной Венгрии в XVII в.....	27

<i>Дзиффер Дж.</i>	К древненемецкому влиянию на славянскую христианскую лексику (на материале "Никодимова евангелия") ...	32
<i>Заборовский Л.В.</i>	О некоторых международных аспектах проблемы формирования империй раннего Нового времени: от союзов к коалициям?	33
<i>Исаевич Я.Д.</i>	Поселения немцев в средневековой Западной Украине.....	42
<i>Исламов Т.М.</i>	Империя Габсбургов и славяне. Роль славянского фактора в формировании империи.....	43
<i>Князький И.О.</i>	Рыцари - тевтоны и половцы.....	54
<i>Кобяк Н.А.</i>	Книги немецких ученых в библиотеке Московского университета.....	57
<i>Ковалев В.Н.</i>	Образ чешского короля Пршемысла Оттакара II в немецких хрониках XIII-XIV вв.	59
<i>Кретинин С.В.</i>	Немецкий "Drang nach Osten" в оценке Отто Бауера.....	64
<i>Кузнецова А.М.</i>	Образ полабско-балтийских славян в "Славянской хронике" Гельмольда...	67

<i>Лабынцев Ю.А.</i>	Немецкая духовная культура на пограничьи Центральной и Восточной Европы: Подляшская земля и Супрасль до начала XX столетия.....	71
<i>Левкиевская Е.Е.</i>	Славяно-германские мифологические параллели.....	76
<i>Липатов А. В.</i>	Польско-немецкие культурно-литературные отношения от Средневековья до романтизма. (История - типология - связи)	81
<i>Лобанов Н.А.</i>	"Немецкая" периодика XVI-XVII вв. Взгляд на Россию.....	84
<i>Любащенко В.И.</i>	Влияние лютеранства на культуру Западной и Карпатской Украины в XVI в.	94
<i>Макарова И. Ф.</i>	Болгары и Болгария глазами немецких путешественников XV-XVI вв. ...	97
<i>Мальченко О.Е.</i>	Особенности национального состава пушкарей в украинских замках XV-середины XVII ст.	99

<i>Машкин А.Н.</i>	Сочинение Г.К.Котошихина "О России в царствование Алексея Михайловича" как источник по истории немецкого предпринимательства в Московском государстве.....	101
<i>Мельников Г.П.</i>	Славяно-германская антитеза в идеологии чешского общества XIV в.	104
<i>Морозова С.В.</i>	Немецкая книга XVI-XVIII вв. в монастырских библиотеках Беларуси....	106
<i>Никитенко Н.Н., Никитенко М.М.</i>	Известия средневековых немецких авторов о Софии Киевской в свете новых исследований.....	109
<i>Никитина С.</i>	К вопросу о немецком, венгерском и словацком компонентах ремесленных цехов и братств Пожони (Братиславы): XIV-XVII вв.	112
<i>Парамонова М.Ю.</i>	Конфессиональные аспекты взаимоотношений Людольфингов и правящих династий Центральной Европы на рубеже X-XI вв.	119
<i>Пашаева Н.М.</i>	Немецкоязычные книги славянских будителей.....	124

<i>Петрухин В.Я.</i>	"Немцы от Рима" и "жидове козарьстии": к проблеме исторического контекста летописного сказания о выборе веры.....	126
<i>Пушкарев Л.Н.</i>	Славяне и "немцы" в творческом наследии Юрия Крижанича.....	131
<i>Пчелов Е.В.</i>	Генеалогия графини Оды, жены киевского князя Святослава Ярославича.....	134
<i>Синчук И.И.</i>	Прусские монеты на белорусских землях Речи Посполитой в XVII-XVIII вв.	138
<i>Сосно В.А.</i>	Из истории немецких поселений в Беларуси.....	142
<i>Тот К.</i>	Конфедерация моравских, венгерских и австрийских сословий 1608 г.	146
<i>Хаванова О.В.</i>	Венгры и немцы в конце XVIII века: к вопросу о складывании этнокультурных стереотипов.....	148
<i>Хлибовская А. Н.</i>	Польско-германские отношения X-XIII вв. в оценке современной польской медиевистики.....	151

<i>Шварц И.</i>	Вена-Москва. Восстановление дипломатических отношений в середине XVII в154
<i>Юрасов М.К.</i>	Венгры, Великоморавская держава и Восточнофранкское королевство во второй половине IX в.157

Славяне и немцы.

Средние века – раннее Новое время

Оригинал-макет –
Н. С. Захарьина, М.И.Леньшина

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано к печати 14.04.97. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 9,76.
Тираж 300 экз. Зак. 61. Цена договорная.
Типография ИПТК «Логос»

